

Путь к Мюнхену:

Эволюция путинского дискурса о Западе

Kaja Meyenberg Tangen

Masteroppgave i russisk språk ved
Institutt for litteratur, områdestudier og europeiske språk

Det humanistiske fakultet

Veileder: Pål Kolstø

Universitetet i Oslo

Høst, 2016

**Путь к Мюнхену: эволюция путинского
дискурса о Западе.**

**The path to Munich: the evolution of
Putin's discourse about the West.**

© Kaja Meyenberg Tangen

2016

Путь к Мюнхену: эволюция путинского дискурса о Западе

The path to Munich: the evolution of Putin's discourse about the West

Kaja Meyenberg Tangen

<http://www.duo.uio.no>

Trykk: Reprosentralen, Universitetet i Oslo

Аннотация

«Путь к Мюнхену: эволюция путинского дискурса о Западе» - это диссертационная магистерская работа, в которой рассматривается развитие российского дискурса об отношениях с Западом, выраженных Президентом РФ, В. В. Путиным, в течение первых двух сроков его президентства. Как известно, речь, с которой Президент РФ выступил в Мюнхене в 2007 г., считается важным поворотным пунктом в отношениях между РФ и Западом. Нас заинтересовали вопросы: какие изменения в дискурсе можно обнаружить в текстах, написанных и произнесенных до этой речи? Как и когда изменился дискурс на самом деле?

Эти вопросы и являются ключевыми в нашем исследовании. В нем содержится как описание современной теории политического дискурс-анализа, так и анализ оригинальных текстов В. В. Путина с 1999 г. по 2007 г.

Abstract

"The path to Munich: the evolution of Putin's discourse about the West" is a masters thesis in which the development of Russian discursive relations to the West, as expressed by President V. V. Putin in the course of his two first terms of presidency, are examined. As is well known, the speech that the President of the Russian Federation presented in Munich in 2007 is seen as a turning point in the relations between Russia and the West. We became interested in the questions: which discourse changes can be discovered in the texts presented before this speech? How and when did the discourse in fact change?

These questions are the main focus of this dissertation. It contains both a description of the theory of modern political discourse analysis, as well as analyses of V. V. Putin's original texts from the years 1999 through 2007.

Благодарения

Мне хотелось бы выразить большую благодарность моему руководителю, Pål Kolstø, который конструктивными и детальными советами и поощрениями оказывал большую помощь в течение всего процесса написания данной работы.

Особенную признательность выражаю моей дорогой подруге Полине за помощь в связи с языковыми трудностями, и за поддержку в течение процесса.

Мне также хотелось бы поблагодарить моих родителей, которые всегда помогали мне, когда это было необходимо.

Я также выражаю благодарность моему дорогому Робину за поддержку и вдохновение в течение всего процесса.

Кроме того, благодарю всех друзей за их помощь и непрерывную поддержку.

Acknowledgements

I wish to express great gratitude to my supervisor, Pål Kolstø, who helped me a great deal through constructive and detailed advice and encouragement throughout the entire process of writing this thesis.

I express a special gratitude to my dear friend Polina, for helping me with language issues, and for her support during this process.

I would like to thank my parents as well, who always helped me when needed.

I also thank my dear Robin for the support and inspiration he has given me throughout the process.

In addition, I thank all my friends for their continuous help and support.

Oslo, august 2016

Kaja Meyenberg Tangen

Предисловие

Прожив 5 лет в России, сама будучи норвежкой, я набралась большого опыта во многих сферах жизни и культуры граждан: я влюбилась в великий и могучий русский язык, прониклась русской классической литературой, и, конечно же, заинтересовалась жизненным укладом великодушного русского народа.

Интерес к русскому народу и его ходу мышления возбудил во мне желание поглубже проникнуть в языковое выражение общественных деятелей России в разные эпохи. Я почти всю жизнь интересуюсь политикой, и особенно ее языковой стороной.

Вернувшись в Норвегию, я получила возможность начать изучать политическую речь российских общественных деятелей, и обнаружила множество самых интересных особенностей. Тогда я и решилась: хочу узнать больше о самом актуальном в настоящее время политическом деятеле России – о Президенте РФ, В. В. Путине, и о его языке.

Именно таким образом я пришла к выводу написать настоящую работу, в течение которой я смогла углубиться в языковое многообразие путинской риторики, и достичь понимания дискурсивного выражения одного из самых актуальных политических деятелей русскоговорящего (и, возможно, всего) мира.

Диссертационная работа написана на русском языке, поскольку я считаю, что только русский язык способен передать истинное значение дискурса и его тонкостей. Поэтому, данная работа предполагает наличие у читателя довольно глубокого понимания русского языка.

Содержание

Введение	1
1 Теоретический обзор методических основ политического дискурс-анализа	5
1.1 Вводные замечания.....	5
1.2 Политический дискурс как объект лингвистического анализа.....	5
1.2.1 Определение дискурса	5
1.2.2 Определение дискурс-анализа	8
1.2.3 Политический дискурс.....	11
1.2.4 Политический дискурс-анализ.....	12
1.3 Категории анализа.....	14
1.3.1 Представление и мета-представление.....	14
1.3.2 Импликатура	15
1.3.3 Пресуппозиция	15
1.3.4 Метафора	16
1.3.5 Эпистемическая и деонтическая модальность	17
1.4 Дискурсивные стратегии.....	17
1.4.1 Принуждение.....	17
1.4.2 Легитимация и делегитимация	18
1.4.3 Представление и искаженное представление	19
1.5 Выводы к главе 2	19
2 Анализ текстов.....	21
2.1 Россия на рубеже тысячелетий	21
2.2 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 8 июля 2000 года	29
2.3 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 3 апреля 2001 года	37
2.4 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 18 апреля 2002 года	43
2.5 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 16 мая 2003 года	49
2.6 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 мая 2004 года	54
2.7 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 года	58
2.8 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 10 мая 2006 года	62
2.9 Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года.....	69
2.10 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 года	86
2.11 Выводы к главе 3	92
Заключение	99
Список использованной литературы	103

Введение

Язык представляет собой многоуровневую, динамично развивающуюся систему, которая служит средством коммуникации для человечества еще с древних времен. Эта система дает нам возможность выразиться абстрактно, что, собственно, позволяет человеку использовать язык в политических целях. Такое применение языка чаще всего относят к реальному общению, то есть к дискурсу.

Дискурс политиков (речь политиков) в течение истории неоднократно подвергался тщательному исследованию еще с времен античности, когда были сделаны первые попытки выяснить и систематизировать основные риторические ходы в речи политиков Древней Греции и Древнего Рима. Изучение политической коммуникации в течение истории привело к появлению множества разных направлений анализа. Главным для дискурс-анализа в разные эпохи считали систематизацию речи общественных деятелей, возможность дезинформации и искажения смысла сказанного, а также совершенствование и усиление речи в целях влияния на слушателей.

В настоящее время, начиная со второй половины прошлого века, по-прежнему ведется научная работа по исследованию дискурса с разных точек зрения. Результатом такой работы стал ряд современных теорий на эту тему. Политический дискурс анализируют опираясь на такие основы, как мультимодальность, диахронность, этнография, критичность и социо-когнитивная лингвистика. Тем не менее, тема дискурс-анализа до сих пор тщательно исследуется. Этим обуславливается потребность развития теорий в области самого дискурса, а также дискурс-анализа.

Данная работа посвящена дискурс-анализу текстов президента Российской Федерации, Владимира Владимировича Путина, с целью выяснения его выраженного отношения к Западу в хронологической перспективе в течение его первых двух президентских периодов. Исследование сосредоточено на развитии данных отношений в контексте современной мировой политической обстановки, являющейся катализатором изменения в отношениях между Российской Федерацией и западными государствами.

Как известно, отношения между Российской Федерацией (довольно молодым государством после распада СССР) и Западом являются неустойчивыми и постоянно развивающимися. После распада СССР, РФ была вынуждена заново позиционировать себя среди государств мирового сообщества, и, соответственно, занять позицию по

отношению к Западу. А. Е. Stent в своей работе пишет: «*Отношения между Россией и США можно понимать только в том контексте, что две страны стремятся признавать наследство Холодной Войны и ее последствия*» (2014, р. 25-26).

Стремление справиться с турбулентностью отношений после Холодной Войны, а также после распада СССР, тесно связано с периодом президентства Б. Н. Ельцина, но возможно еще теснее с президентством его приемника, В. В. Путина.

Многие считают, что важным поворотным пунктом для отношений между Российской Федерацией и Западом является именно речь, с которой В. В. Путин выступил на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 2007 года: В. Judah в своей работе пишет «*В 2007 г., на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности, Путин чувствовал себя достаточно уверенно, чтобы начать открыто оспаривать его [поведение Запада]*» (2013, р. 160), а F. Hill и С. G. Gaddy пишут: «*К 2007 г., Путин заявил, что его терпению насчет США и НАТО пришел конец. Он использовал [...] Мюнхенскую конференцию по вопросам политики безопасности в феврале 2007 г., чтобы высказаться прямо американским представителям и экспертам. Его критика [...] была жестокой*» (2013, р. 307). В данной работе мы сделаем попытку выяснить ход дискурсивных событий, которые привели к такому повороту.

Таким образом, **объект** анализа – выраженные В. В. Путиным отношения к Западу в течение первых двух сроков его президентства.

Предмет анализа – собрание текстов, Президента РФ, В. В. Путина, в первые два срока его президентства, в частности Послания Федеральному Собранию Российской Федерации, а также другие, имеющие значение для данной работы тексты.

Цель исследования – выявить характер отношений, сложившихся к моменту произнесения известной речи в Мюнхене, между РФ и Западом, выраженных в речи Президента РФ, которые привели к положению обстоятельств во время известной речи в Мюнхене.

Для достижения данной цели, также поставлен ряд **задач**:

- Раскрыть понятие «политический дискурс-анализ»;
- Уточнить категории анализа и дискурсивные стратегии;
- Проанализировать подобранные тексты посредством политического дискурс-анализа;
- Систематизировать развитие выраженных В. В. Путиным отношений к Западу

На основе выше перечисленных задач, был поставлен главный **вопрос исследования**: как и когда произошло изменение выраженных отношений? В качестве ответа на данный вопрос мы предлагаем **гипотезу**: возможно, что изменение в выраженных отношениях происходило постепенно, преимущественно с начала второго срока президентства В. В. Путина. Предполагается, что данное изменение имело место как на уровне лексических единиц, так и на уровне дискурсивных стратегий.

В ходе исследования заданной темы были использованы следующие **методы**: (как можно более) объективный дискурс-анализ политических текстов, метод описания дискурсивной теории и норвежских и зарубежных источников, сопоставительный интердискурсивный анализ.

Научная новизна данного исследования заключается в выявлении дискурсивных средств конструирования политической реальности, и в описании реального развития политических отношений в хронологической перспективе на уровне дискурса.

Теоретическая значимость выполненной работы состоит в развитии теории о политическом дискурс-анализе, описании стратегий и категорий, применяемых в политическом дискурсе, а также в выявлении действительного развития выраженных отношений при определенных политических обстоятельствах.

Теоретической базой для исследования послужили работы и норвежских и зарубежных ученых в области дискурс-анализа различных направлений, для пополнения недостатков существующих теорий (Т. Van Dijk, D. Schiffrin, М. Л. Макаров, Р. Chilton, R. Wodak, Т. R. Hitching, А. Veum и др.), а также работы ученых в области политических отношений РФ (R. Sakwa, F. Hill, С. G. Gaddy, J. M. Godzimirski, В. Judah и др.). Так как часть подобранной литературы написана на английском и норвежском языках, цитаты из источников будут переведены нами на русский язык для наиболее точного соответствия между цитатами и остальной частью текста.

Актуальность данной работы обусловлена как современной политической ситуацией в мире, которая требует внимания, учитывая растущий уровень конфликтности, в том числе и между Российской Федерацией и Западом, так и стремлением глубже понять самой языковой стороны российского политического дискурса.

Диссертационная работа состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы.

В первой главе дается теоретическое определение политического дискурса-анализа, а также описание главных категорий и стратегий политического дискурса.

Во второй главе анализируются подобранные тексты и представляются основные выводы для каждого анализа.

В заключении подводятся итоги работы, формируются окончательные выводы по исследуемой теме.

1 Теоретический обзор методических основ политического дискурс-анализа

1.1 Вводные замечания

Цель данной главы заключается в представлении методологических и теоретических рамок, внутри которых будет проводиться исследование.

Начнем с определения главных теоретических концепций, которые будут использоваться в течение работы. Наиболее точное описание данного исследования – это политический дискурс-анализ в диахронической перспективе. Таким образом, будем рассматривать развитие отношений РФ к Западу, выраженных В. В. Путиным в течение первых двух сроков его президентской карьеры, с 2000 по 2007 г. Вместе с тем совершим попытку выяснить какими языковыми и дискурсивными средствами данное выражение реализуется.

1.2 Политический дискурс как объект

лингвистического анализа

1.2.1 Определение дискурса

Для начала следует дать определение дискурсу. Этот термин часто, начиная со второй половины прошлого века, подвергался изучению многими исследователями, и до сих пор остается сложным подобрать точное, единообразное определение. Например, у М. Foucault (1999) можно найти 23 разных определения этого термина в одной и той же лекции. В этой главе пытаемся найти наиболее подходящее определение термина, однако, к сожалению, объем данной диссертации не позволяет нам подробно рассмотреть все возможные определения. Как написано в работе R. Wodak: «[...]значение дискурса [...] тесно связано с конкретным контекстом исследования и теоретическим подходом» (2008, р. 6). Так как понятие дискурса довольно широко, мы считаем целесообразным рассматривать лишь те определения, которые можно найти в работах, связанных с темой «политический дискурс-анализ».

Итак, кажется логичным начать с самого слова «дискурс»: оно имеет свое происхождение в латинском глаголе "discurrere" – «бегать назад и вперед» (Wodak, 2008, р. 4). Такое происхождение дает нам подсказку, что, если понимать это слово буквально, получается, что языковые единицы (слова, предложения, реплики) как будто «бегают» между пользователями языка (говорящими, пишущими). Таким

образом, получаем некоторого рода обмен языковыми единицами. Далее, рассматривая работы М. Макарова (2003, pp. 85-90) и D. Schiffrin (1987, pp. 1-3, ref. Макаров, 2003, pp. 85-90), находим ряд выделенных подходов к дискурсу на основе разных течений в традиционном языкознании. М. Макаров выделяет три основных подхода к определению дискурса на основе некоторых работ: первый подход, выведенный на основе работы D. Schiffrin, определяет дискурс как *«язык выше уровня предложения или словосочетания»*. Это можно считать структурно ориентированным определением, не учитывающим внешнего контекста в качестве важного компонента дискурса. Далее, М. Макаров добавляет критерий В. Звегинцева: *«Под дискурсом, следовательно, будут пониматься два или несколько предложений, находящихся друг с другом в смысловой связи»* (1976, p. 170, ref. Макаров, 2003, p. 86). Этот критерий приводит нас ближе к цели, но тем не менее лишен учета внешнего контекста. Таким образом, можно сказать, что чисто структурно ориентированное определение является недостаточным для определения дискурса.

Второй подход определяет дискурс как *«всякое употребление языка»* на основе теории Fasold (1990, p. 65, ref. Макаров, 2003, p. 86), а также на основе теории Brown и Yule: *«анализ дискурса обязательно является анализом языка в употреблении»* (Schiffrin, 1987, p. 1, ref. Макаров, 2003, p. 86; Brown, Yule, 1983, p. 1, ref. Макаров, 2003, p. 86). Этот подход можно назвать функциональным, так как он рассматривает функциональную сторону дискурса в широком социокультурном контексте. Данный подход включает в себя как рассмотрение дискурса как явления в котором можно выделять ряд функций и соотносить его формы с той или иной функцией (этический подход), так и рассмотрение дискурса как явления, содержащее в себе конкретные формы и элементы, весь спектр функций которых подлежит исследованию (эмический подход). Хотя при данном подходе учитывается фактор внешнего контекста, в нем утрачивается учет структуры смысловой связи между предложениями. Поэтому можно сказать, что чисто функциональный подход к определению дискурса тоже является недостаточным.

По словам М. Макарова (2008, p. 86), в работах D. Schiffrin (1987, pp. 1-3, ref. Макаров, 2003, p. 86) предлагается и третий подход к определению дискурса, совмещающий в себе и структурную и функциональную стороны: *«дискурс как высказывания»*. Под данным определением подразумевается понимание дискурса как *«целостной совокупности функционально организованных, контекстуализованных единиц употребления языка»* (Макаров, 2008, p. 86). Таким образом получаем

двустороннее определение, которое кажется более охватывающим, чем два предыдущих, каждое из которых является односторонним. Такое определение дает возможность глубже понять содержание нашей работы, так как достижение поставленной цели требует многостороннего исследования.

Рассматривая работы P. Chilton, находим такое определение дискурса: «[...]употребление языка (язык $я/у$), которое часто будем называть дискурсом»; «...то, что это язык $я/у$, то есть употребление языка $я$, по-другому, дискурс...»(2004, р. 16; р. 26). Хотя данное определение на поверхности выглядит идентично второму определению, приведенному в работе D. Schiffrin, под ним подразумевается другой подход. По содержанию, это определение, как и третий подход D. Schiffrin, заключается в изучении разных сторон дискурса – и функциональной, и структурной сторон, с особым учетом внешнего контекста. Мы считаем, что такое определение, включающее в себя выше перечисленные стороны дискурса, достаточно для того, чтобы проводить тщательное исследование нашей темы.

Тем не менее, следует рассмотреть и термин «текст» в том смысле, в котором мы собираемся его употреблять в данной работе. Под этим термином часто понимается «письменный текст». Он ассоциируется с книгами, газетами и письмами, но для данного контекста такое понимание термина является недостаточным. Следует обратить внимание на работу T. van Dijk (1990, р. 164), где дискурс определяется как «*текст в контексте*». На основе такого определения затруднительно вывести точное значение без определения термина «текст». R. Wodak пишет в своей работе, что «...дискурс определяется на другом, более абстрактном, уровне нежели чем текст. Под дискурсом подразумеваются схемы и общие черты знаний и структур, в то время как текст является специфической и уникальной реализацией дискурса» (2008, р. 6). Таким образом, можно сказать, что термины «текст» и «дискурс» весьма тесно взаимосвязаны. Рассматривая работу М. Макарова (2008, р. 87), находим такое мнение: дискурс и текст имеют свою взаимосвязь в том, что текст может являться некоторого рода дискурсом, если он выполняет функцию языкового общения. Возьмем в пример доклад, который можно рассматривать одновременно и как письменный текст, и как публичное выступление. Публичное выступление – это и есть коммуникативное событие, что собственно и позволяет его рассматривать как дискурсивное явление. Такой подход к пониманию текста является актуальным для нашей работы, так как в ходе исследования в качестве исходной точки будут использованы письменные тексты (транскрипции речей) в качестве исходной точки.

Итак, на основе выше приведенной информации, можно составить такое определение дискурса: дискурс – это язык в употреблении (иначе – реализация языка), и в устной и письменной форме (иначе – текст) выше уровня предложения или словосочетания. Под данным определением подразумевается учет и формальной, и функциональной сторон реализуемого языка, а также учет внешнего контекста. По-другому можно сказать, что дискурс – это текст в контексте (текст в определенном выше смысле).

1.2.2 Определение дискурс-анализа

Существует целый ряд подходов к изучению дискурс-анализа. В данной работе собираемся сосредоточиться на политическом дискурс-анализе, но для полного раскрытия этого термина, следует сначала дать определение более широкому понятию: дискурс-анализ. О. Ю. Крылова пишет в своей статье: *«Дискурсивный метод анализа подразумевает под собой анализ дискурса[...], что означает набор коммуникативных практик»* и далее, *«дискурсивный анализ – изучение языка, используемого членами некоторого языкового сообщества. В ходе такого анализа рассматривается как форма языка, так и его функция»* (2012, р. 63). Получается, что определение дискурса как «язык в употреблении» (текст), дает основу для его изучения в контексте употребления, а именно в контексте употребления в конкретном языковом сообществе. Здесь проявляется необходимость выделить несколько научных направлений, изучающих разные стороны дискурса, для того, чтобы уточнить из чего состоит сам анализ. R. Wodak пишет в своей работе: *«[...] таким образом, изучение дискурса (ИД) должно опираться на антропологию, историю, риторику, стилистику, анализе разговора, литературоведении, культурологии, прагматике, философии, социолингвистике и так далее»* (2008, р. 3). Такое многообразие дисциплин, изучающих разные стороны дискурса, показывает уровни, на которых следует рассматривать дискурс для выполнения полного дискурс-анализа, а также историю самой дисциплины. Конечно, несмотря на свою историю, различные типы дискурс-анализа требуют разных подходов, где данные уровни могут проявляться в большей или меньшей степени. *«Междисциплинарность и негомогенность, характеризующие подходы к дискурс-анализу, дают исследователю доступ к широкому спектру возможностей»*, пишут в своей работе Т. Hitching и А. Veum (Hitching et al., 2011, р. 12). Данное высказывание подчеркивает широту спектра возможных подходов. В

данной работе мы не ставим целью разобраться во всех подходах, но тем не менее нам кажется целесообразным обозначить контекст дискурс-анализа.

Важным элементом для проведения дискурс-анализа является контекст. Этот термин сложно определить, так как теории контекста до сих пор не достаточно развиты. Тем не менее, следует рассматривать ту работу, которая уже проводилась в данной сфере для того, чтобы создать представление о том, что представляет собой контекст. На основе теорий Т. van Dijk (2001, 2005, ref. Wodak, 2008, p. 10), R. Wodak пишет, что контекст строится на имеющихся у человека представлениях. В течение процесса социализации, человек приобретает нужные *«знания для интерпретации, понимания и запоминания языкового поведения, по крайней мере в рамках собственной культуры»* (2008, p. 10). Такое высказывание показывает субъективность понимания контекста: сами участники дискурса создают субъективные представления об общении (Hitching et al, 2011, p. 171). Таким образом, контекст является как психологическим, так и социальным явлением. Из чего же он строится? Т. van Dijk (2009, p. 66) дал такое определение: *«субъективное ментальное представление об относительных чертах коммуникативной ситуации, динамическая «онлайн» модель участников, каким он кажется для них в данный момент»*. R. Wodak (2008, p. 13) перечисляет четыре типа контекста:

1. Непосредственный ко-текст, внутри языка или текста;
2. Интертекстуальное и интердискурсивное отношение между высказываниями, текстами, жанрами и дискурсами
3. Экстралингвистические социальные/социологические переменные и институциональные рамки определенного ситуационного контекста
4. Широкие социо-политические и исторические контексты

Следует рассматривать некоторые категории отношения, которые являются важными составными частями дискурс-анализа. Одно из этих отношений – интертекстуальность. В своей работе, R. Wodak пишет, что *«интертекстуальность относится к тому факту, что все тексты связаны с другими текстами, и в прошлом, и в настоящем времени»* (2008, p. 3). Похожее определение находим у A. Veum: *«фамильярные связи между текстами часто называют интертекстуальностью»* (Hitching et al, 2011, p. 82). Таким образом, можем сказать, что интертекстуальность – это взаимосвязанность между текстами, произведенными и в прошлом, и в настоящем времени.

A. Veum (Hitching et al., 2011, pp. 82-83) выделяет два типа интертекстуальности: прямая (эксплицитная) и косвенная (имплицитная). Прямая интертекстуальность означает использование в тексте ссылок или прямых цитат, в то время как косвенная интертекстуальность означает связь с другим текстом на более абстрактном уровне, например посредством перевода слов, выражений, тематики или жанровых черт из одного текста (или несколько текстов) в другой. По A. Veum (Hitching et al., 2011, pp. 82-83), явление косвенной интертекстуальности также называют интердискурсивностью. По R. Wodak (2008, p. 3) же, интердискурсивность определяется несколько по-другому: она пишет, что интердискурсивность означает разного рода взаимосвязь между дискурсами. Например, если определить дискурс по теме, можно рассматривать перевод черт из одного текста (или же ссылки к нему), относящегося к определенной теме, к другому тексту, относящемуся к другой (но часто близкой) теме, как интердискурсивность. Итак, нам кажется логичным определить интертекстуальность как взаимосвязь между текстами, а интердискурсивность, как взаимосвязь между дискурсами.

В этой связи возникает и другой термин: реконтекстуализация. Данный термин описывается у A. Veum (Hitching et al., 2011, p. 85) как процесс, происходящий при переводе слов и выражений, а также ценностей, идеологий, знаний и так далее, из одного текста в другой. Этот процесс заключается в изменении смысла исходного переводимого элемента в тот момент, когда элемент оказывается в новом тексте. R. Wodak (2008, p. 3) на эту тему пишет, что реконтекстуализация заключается в переводе главного аргумента из одного текста в другой, и что новый смысл формируется как только данный элемент оказывается в новом контексте. Таким образом, можно сказать, что главная функция реконтекстуализации – это изменение смысла текстового элемента при его переводе из одного текста в другой.

Понимание контекста, которого мы будем придерживаться в нашей работе – это в основном интертекстуальное отношение между политическими текстами, так как, во-первых, объем работы не позволяет подробно анализировать весь социо-политический и исторический контекст, и во-вторых, другие категории контекста не являются сильно релевантными для данного типа работы. Тем не менее, следует отметить, так как по нашему мнению кажется логичным считать часть социо-политического и исторического контекстов довольно важными составляющими интертекстуальных отношений, частично будем подразумевать данные типы контекста под термином «контекст».

Как выше сказано, существует целый ряд подходов к анализу дискурса. Для наших целей в настоящей работе не является необходимым перечисление всех подходов, а лишь тех, которые имеют значение для исследования, которое будет проводиться в дальнейшем.

Таким образом, мы имеем представление о самых важных компонентах дискурс-анализа в целом, но для того, чтобы перейти к рассмотрению политического дискурс-анализа – объекта нашего исследования, следует сначала подробнее остановиться на понятии собственно политического дискурса.

1.2.3 Политический дискурс

В данной главе, мы уже дали определение термину «дискурс». Так как этот термин является довольно широким понятием, мы сочли нужным несколько сузить рамки нашего исследования, чтобы определить о каком именно дискурсе идет речь в последующих частях работы.

По Р. Chilton (2004, р. 30), политика не может существовать без языка, то есть указов, обещаний, объявлений войны, объявлений человека виновным/невиновным и т.д., которые считаются политическими речевыми актами. Задача, которая стоит перед нами здесь, состоит в определении этих так называемых «политических» речевых актов.

Как сказано выше, Т. van Dijk (1990, р. 164) определяет дискурс как *«текст в контексте»*. На основе такого определения можно сказать, что дискурс определяется по контексту. Таким образом можно сказать, что политический дискурс – это дискурс в политическом контексте. Но что это значит на самом деле? Также по Т. van Dijk (1997, pp. 12-14), политический дискурс определяется деятелями и авторами дискурса, которыми, в данном контексте, являются политические деятели. Далее, следует отметить: хотя политические деятели часто участвуют в политическом дискурсе, особенно во время политической деятельности, в остальное время они могут и не участвовать в политическом дискурсе. На основе такой теории можно сделать вывод, что дискурс определяется не только его деятелями и авторами, но и деятельностью, в рамках которой он производится (например политический деятель, произносящий политическую речь на митинге).

В другой статье, Т. van Dijk подчеркивает такое определение политического дискурса: *«политический дискурс определяется прежде всего не темой или стилем, но*

скорее тем, кто к кому обращается, в качестве кого, по какому поводу и с какой целью» (2002, р. 225).

Так как мы уже определили, что дискурс – это текст в контексте, следует далее отметить, что разные тексты принадлежат к разным жанрам (Wodak, 2008, р. 6). Это явление, естественным образом, включает в себя политические тексты (в политическом контексте). Некоторые из жанров, относящихся к политическому дискурсу – это закон, пропаганда, международные договоры, мирные переговоры, лозунги и т.д. (van Dijk, 2002, р. 225). Нам кажется очевидным, что сюда же можно отнести и Послания Президента Федеральному Собранию, которые в данной работе будут рассматриваться вместе с некоторыми другими текстами, использованными Президентом Российской Федерации в особенном политическом контексте, то есть в отношении политической интертекстуальности.

Итак, выяснив что имеется в виду под термином «политический дискурс», то есть политический текст в политическом контексте, можно перейти к политическому дискурс-анализу.

1.2.4 Политический дискурс-анализ

Следует сначала отметить, что под термином «политический дискурс-анализ» в данной работе подразумевается «анализ политического дискурса», то есть политический дискурс является объектом изучения данного анализа.

Для полного раскрытия политического дискурс-анализа, представляется необходимым отметить отличие данного подхода от критического дискурс-анализа. Критический дискурс-анализ направлен на выяснение дискурсивных отношений власти, злоупотребление властью и доминирование посредством политического дискурса, а в особенности он занимается дискурсивной обстановкой и последствиями социального и политического неравенства, возникших в результате такого доминирования (van Dijk, 1997, р. 11). Этот подход к дискурс-анализу может быть направлен на политический дискурс, но такое направление не является обязательным. Он может быть направлен и на другие дискурсы, в то время как политический дискурс-анализ, естественно, обязательно и исключительно занимается анализом политического дискурса.

В данной работе мы не задавались вопросами об отношениях власти, доминирования и т.д., так как наша задача несколько иная – сделать как можно более

объективный анализ самого политического текста (дискурса) с упором на развитие выраженных Президентом Российской Федерации отношений к Западу.

Тем не менее, так как критический дискурс-анализ довольно тесно связан с политическим дискурс-анализом, будут употреблены некоторые категории анализа, содержащиеся в двух выше перечисленных подходах (van Dijk, 1997, pp. 11-12). О связи между критическим дискурс-анализом и политическим дискурс-анализом также пишут U. Okulska и P. Cap: *«анализ политического дискурса включает в себя теоретически основанные подходы, которые опираются на когнитивные понимания, но остаются достаточно критичными при представлении информации[...]»* (2010, p. 4). Представив такую теорию, следует отметить, что цель нашей работы не состоит в критике представленного материала, или же Президента РФ, а в выяснении и наиболее объективном представлении отношений, выраженных в текстах.

Кажется обязательным подчеркнуть некоторые трудности политического дискурс-анализа, важнейшей из которых является возможность утраты объективности. Так как данный подход к анализу включает в себя элементы критического дискурс-анализа, исследователь обязательно внесет (осознанно или неосознанно), субъективный взгляд в работу. Это зависит от разных факторов, главным из которых является восприятие автором мира. Автор работы может воспринимать мир иначе, чем автор (производитель) текста, который анализируется, на основе разницы между культурами, личными точками зрения и т.д. Поэтому, в ходе анализа будут использованы разные источники, выражающие отличающиеся друг от друга точки зрения, с целью избегания утраты объективности.

К проблеме объективности примыкает и проблема выбора материала для анализа. В данной работе выбран материал на основе тематики, а также ежегодные Послания Президента РФ Федеральному Собранию. Послания выбраны с целью наблюдения за изменениями в диахронической перспективе.

Учитывая тот факт, что дискурс-анализ – это, как выше сказано, своего рода конгломерат разных дисциплин, следует отметить, что для выполнения поставленных задач существует целый ряд инструментов, также перед нами стоит проблема ограничения поля исследования. Этой проблемой мы будем заниматься в следующей части.

1.3 Категории анализа

Как отмечено, мы считаем обязательным ограничить средства анализа во избежание выхода за границы нашей задачи. Для набора политических текстов в данной работе с упором на выяснение политических отношений между государствами в диахронической перспективе, являются важными одновременно несколько различных категорий, которые будем перечислять и описывать в данной главе.

Категории анализа играют очень важную роль в данной работе, поскольку они нам помогают проникнуть в самую суть высказываний. Таким образом мы можем систематизировать и проанализировать данные, выполняя задачу, которая стоит перед нами.

В основе нашей подборки категорий лежит работа Р. Chilton (2004), так как мы считаем подход к дискурс-анализу в данной работе довольно целостным и многосторонним. Мы также будем пользоваться другими работами для дополнения анализа.

1.3.1 Представление и мета-представление

Представление можно понимать по разным признакам. В семантике принято считать представление понятием, связанным с референтом в настоящем мире или с более абстрактным референтом, но в данной работе мы будем употреблять термин в несколько другом смысле (Chilton, 2004, p. 48-50).

Следует начать с представления о действительности, так как это самое широкое из понятий о представлении.

Представление о действительности, в том смысле, в котором будет использоваться этот термин в нашей работе, означает непосредственные, субъективные знания и представления человека об окружающей его реальности. Представление о действительности может быть более или менее правдоподобным. Такое представление может например быть высказывание «книга лежит на столе», если говорящий сам видел, что книга действительно лежит на столе, или же ложь об этом факте.

Мета-представление, с другой стороны, это – опосредованные знания и представления человека об окружающей реальности. Это означает, базируясь на том же примере, что говорящий сам не видел, что книга действительно лежит на столе, но ему кто-то рассказал, что она там лежит, например «Анна мне сказала, что книга лежит на столе» (Chilton, 2004, pp. 21-22).

1.3.2 Импликатура

Импликатуры выражают имплицитный смысл высказывания, то есть смысл, который подразумевается, но эксплицитно не выражается. Они противоположены экспликатурам. Принято различать два вида импликатур: конвенциональные и неконвенциональные импликатуры.

Конвенциональные импликатуры не зависят от контекста и могут быть поняты всеми пользователями языка. Например фраза «некоторые из участников собрания уехали» имплицитно выражает, что не все участники уехали.

Неконвенциональные же импликатуры в высокой степени зависят от контекста. Они могут быть поняты только если слушатель имеет знания о контексте и фоне высказывания, вместе с способностью связывать семантическое содержание высказывания с составным смыслом, не нарушая постулатов Грайса. Такие импликатуры могут быть результатом пренебрежения к фактам, то есть упущения или искажения. Примером такой импликатуры может быть «премьер-министр выглядит довольным». Из этого высказывания можем вывести несколько смыслов, базируясь на знаниях о контексте и фоне. Возможные значения: премьер-министр успешно достиг какой-либо цели, переговоры прошли удачно и т.д. А если мы себе представим, что слушатель знает, что переговоры вовсе не прошли удачно, к нашему примеру прибавится новый смысл, противоположенный семантическому содержанию: «премьер-министр *не* выглядит довольным» (такие явления можно часто видеть при иронии) (Chilton, 2004, pp. 35-36).

Импликатура является важной категорией в нашей работе из-за характерности подразумеваемых смыслов и их значения для выяснения межгосударственных отношений.

1.3.3 Пресуппозиция

Термин пресуппозиция может быть определен семантически как обязательная соотнесенность двух предложений друг с другом, вне всякого контекста. Например, одно из предложений содержит положительную информацию, в то время как второе из них содержит отрицательную информацию, но, тем не менее, они дают одну и ту же пресуппозицию. Такой взгляд на данное явление является, в принципе, не ошибочным, что можно доказать на основе такого примера: «Президент РФ сегодня уехал» (положительная информация – Президент РФ существует). В противопоставлении этому предложению стоит такое предложение: «Президент РФ сегодня не уехал»

(отрицательная информация – но Президент РФ существует). В двух предложениях пресуппозиция одна: Президент РФ существует. С когнитивной точки зрения можно сказать, что такая пресуппозиция автоматически появляется у слушателя, даже несмотря на его знаниях о данной теме.

Поэтому следует подробнее рассмотреть возможную проблематику, касающуюся этого явления. Определение, данное выше, предполагает правдивость предложений, и, с ними же, пресуппозиции. Но если, наоборот, предположить, что пресуппозиция, данная в предложениях может являться ложной, сразу же появится потребность в контексте. Без контекста и фоновых знаний о предложениях, не возникнет почвы для оспаривания пресуппозиции. Именно поэтому в данной работе будем обращать внимание на пресуппозиции с учетом контекста (Chilton, 2004, pp. 63-64).

1.3.4 Метафора

С когнитивной точки зрения можно рассматривать метафору как явление не только связанное с лингвистическим выражением смысла, а также как явление человеческой концептуализации. Принято считать, что метафора отображает некоторый исходный домен, который может быть либо врожденным, либо приобретенным при развитии личности. Метафоры можно использовать про ориентацию во времени и пространстве, для выражения отношения к какому-либо явлению или человеку (или социальной группе). Исходный домен служит средством перевода значения в конечный домен, то есть какое именно значение выражается данной метафорой. Исходные домены могут иметь свое происхождение практически в любой сфере физических концепций: в сфере физических границ/препятствий, вместилища, жидкости, путешествия, семейных отношений и так далее. Многие метафоры предполагают глубокого понимания культуры, и могут быть весьма сложными с семантической точки зрения (Chilton, 2004, pp. 51-52).

Метафора является важной категорией в данной работе, так как с их помощью выражаются отношения к другим социальным группам, а также к другим государствам. Метафоры, которые являются наиболее интересными для нас – это метафоры, которые часто вовсе не воспринимаются как метафоры, но тем не менее создают концептуальные рамки дискурса.

1.3.5 Эпистемическая и деонтическая модальность

Эпистемическую и деонтическую модальность принято воспринимать как некоторого рода функцию, измеряемую на шкале. Эпистемическая модальность обозначается на шкале реальности, то есть от совершенно невозможного до абсолютно возможного, а также от правды до лжи. Деонтическая же модальность обозначается на шкале морали: от неправильного до правильного, но здесь играет важную роль и разрешение/запрет. Две модальности плотно взаимосвязаны между собой.

Данная категория часто выражается посредством метафоры, поэтому она также имеет взаимосвязь с предыдущей категорией (Chilton, 2004, pp. 58-60).

В нашей работе эта категория играет важную роль, так как при дискурсе о межгосударственных отношениях, категоризация «возможного/невозможного» и «правильного/неправильного» помогает выяснять как именно относятся деятели друг к другу.

1.4 Дискурсивные стратегии

В политическом дискурсе следует обращать внимание на стратегии, которыми могут пользоваться политические деятели в текстах, для разоблачения потенциальных (более или менее) скрытых средств утверждения или опровержения валидности высказывания. По теории коммуникативного действия Ю. Хабермаса, можно наблюдать «стратегическое» использование языка с эффектом искажения смысла по причине имеющихся у говорящего политических (или чисто субъективных) интересов (Chilton, 2004, p. 45). Один из аргументов против такой точки зрения состоит в том, что современные политические деятели не составляют собственных речей, и поэтому не выражают свое собственное мнение. Ответ на такой аргумент можно найти у R. Wodak и др.: «...лицо, произносящее речь, всегда несет исключительную ответственность за содержание речи» (2009, p. 71). Поэтому, в данной работе будем считать лицо, произносящее речь/текст, ответственным за содержание речи/текста.

В своей книге, P. Chilton (2004, pp. 45-46) перечисляет главные дискурсивные стратегии:

1.4.1 Принуждение

В настоящей работе не будем обращать большого внимания на самые очевидные формы принуждения (речевые акты, которые, например, опираются на санкциях), а скорее на менее очевидные – позиционирование себя и других в определенных отношениях и применение предположений о реальности, с которыми

читатели/слушатели вынуждены соглашаться, по крайней мере временно, чтобы суметь обработать данную информацию. Сюда же можно отнести и выбор тем для разговора и речи. P. Chilton также приводит предположение, что некоторые смысловые структуры могут «стимулировать аффект», то есть возбуждать определенные эмоции, связанные с высказываниями. Исходя из данного контекста, и так как в работе P. Chilton не приводятся эмпирических доказательств этому явлению, мы считаем, что оно все же остается, хоть и вероятным, но предположением (Chilton, 2004, pp. 45-46).

Политические деятели часто могут применять все приведенные способы принуждения на основе своей позиции, особенно в речах, так как они сами могут выбирать тему, и речь практически всегда произносится в монологической форме.

В данной работе анализ такой стратегии может дать информацию об отношениях, в которых говорящий считает, что находится с другими государствами (или же с их политическими деятелями).

1.4.2 Легитимация и делегитимация

Данная стратегия довольно тесно связана с принуждением, так как она помогает устанавливать условия для подчинения. Это можно делать лишь посредством языка, либо эксплицитно, или имплицитно.

Легитимируя собственные поступки/высказывания, то есть дав причину принимать поступки/высказывания как удовлетворительно оправданными, можно и установить позитивно воспринимаемое другими людьми (например, голосующими) представление себя и своих поступков/высказываний. Такой же эффект можно создать делегитимацией. Делегитимация поступков/высказываний чужих (например, других политических деятелей), то есть дать причину не подчиняться или не принимать поступки/высказывания как оправданные, может создать негативно воспринимаемое представление. Такое негативное представление о других может помогать говорящему оправдывать собственные поступки/высказывания, и одновременно уменьшить поддержку других и их поступков/высказываний.

Главные приемы легитимации – это позитивное представление себя посредством аргументов, касающихся общих идеологических принципов, и похвалы своим свершениям. Главные приемы делегитимации – это негативное представление других посредством использования идей о границах и отличительных признаках, и некоторых речевых актов: обвинения, оскорбления и упреки (Chilton, 2004, p. 46).

Для нас данная стратегия интересна, так как она может дать более глубокое понимание отношений, выраженных в текстах на основе данных о представлениях себя и других.

1.4.3 Представление и искаженное представление

Представление о действительности, естественно, является субъективным. Но можно и осознанно представлять действительность посредством искажения, то есть даже не так, как говорящий сам воспринимает ее, а так, как автор желает, чтобы слушатели воспринимали. Этого можно достичь некоторыми способами.

Количественно ограниченное представление означает, что говорящий не дает доступа ко всей (или части всей) информации: секретность и цензура означает, что информация не доходит до слушателей вообще, в то время как количественное ограничение информации может дать слушателям доступ лишь к части информации, искажая представление реальности в целом.

Качественно искаженное представление включает в себя ложь, упущение, отрицание. Эвфемизмы могут концептуально «затемнить» нежелаемых референтов, и имплицитные значения тоже могут помочь переместить центр внимания (Chilton, 2004, p. 46).

Представление (и в особенности искаженное представление) для нас является интересной стратегией, так как она может дать подсказки о том, какие отношения в самом деле выражаются.

1.5 Выводы к главе 2

В данной главе мы сделали попытку объяснить методику дальнейшей работы и какими критериями она определяется. Для объяснения теории метода дискурс-анализа, мы сначала дали определение дискурсу, чтобы достичь совершенной ясности о том, что именно мы имеем в виду, когда говорим о дискурсе: именно текст в контексте. Для ясности самого определения, мы дали определение и тексту, так как термин «текст» принято понимать несколько по-другому, чем в нашей работе. В нашем контексте, текст – это некоторого рода специфическая и уникальная реализация дискурса.

Далее, мы перешли к определению дискурс-анализа, для объяснения принципа, на котором строится работа с дискурсом. Так как дискурс-анализ – это своего рода конгломерат разных дисциплин, нам показалось необходимым подчеркнуть широту спектра возможных подходов к анализу. Также было дано определение контексту, так как данное явление – это столь важный элемент дискурс-анализа. Наиболее

целесообразным для нашей работы нам показалось такое определение контекста: интертекстуальное отношение между (в основном) текстами, так как работа будет проведена на основе именно политических текстов, но с ограниченным учетом социо-политического и исторического контекстов. Мы выяснили и некоторые другие термины, вдобавок к уже определенным терминам, для наиболее возможной прозрачности работы.

Было дано определение политическому дискурсу, с целью сужения спектра понятия «дискурс»: политический текст в политическом контексте. Далее, естественным образом, следовало определение политического дискурс-анализа: анализ политического дискурса, который, хотя в нем и можно найти элементы критического дискурс-анализа, стремится не к критике, а к наиболее возможно объективному представлению реальности.

Далее были перечислены и определены категории анализа, которые будут употребляться в ходе работы. Данные категории были выбраны нами для наиболее многостороннего анализа текстов. Было принято решение об ограничении количества категорий на основе предстоящей работы, так как рамки, внутри которых работа будет проводиться, должны быть четко отмечены во избежание неточностей анализа.

За категориями следовала перечень дискурсивных стратегий, которые мы будем использовать для определения смысла в тексте, где отношения выражены неявно, или имплицитно. Данные стратегии были выбраны и ограничены с целью достижения возможности раскрыть потенциальное стратегическое использование языка.

Итак, определив важные компоненты метода и теории нашей работы, можно перейти к самому анализу текстов Президента РФ, В. В. Путина.

2 Анализ текстов

В данной главе перейдем к анализу текстов, избранных нами. Как уже сказано, они выбраны и по тематике, и по временному критерию (ежегодные Послания), для соблюдения диахронической перспективы. Мы сделаем попытку проанализировать тексты на основе метода и теории, описанных в предыдущей главе. Так как объем нашей работы требует ограничения, детально проанализировать тексты полностью мы считаем невозможным. Поэтому будут анализированы лишь те части текстов, которые нам кажутся наиболее релевантными для наших целей.

Последовательность текстов в данной главе организована по хронологии, от первой основополагающей статьи 1999 года, к последнему Посланию Федеральному Собранию 2007 года.

2.1 Россия на рубеже тысячелетий

Данная статья была выбрана для анализа по некоторым причинам, хотя, строго говоря, В. В. Путин не был избранным президентом во время ее выдачи, а лишь за день после ее опубликования вошел в функцию Исполняющего Обязанности Президента, после заявления об отказе от должности бывшего Президента, Б. Н. Ельцина (Sakwa, 2008, pp. 25-26). Тем не менее, мы считаем статью важным элементом для карьеры В. В. Путина, поскольку она, является основополагающей для дальнейшего развития отношения к Западу, частично выраженного через отношение к самой России.

Текст состоит из 4407 слов, и был опубликован 30 декабря 1999 года в разных СМИ. На такой основе мы считаем естественным предполагать, что он рассчитан на весь русский народ. Нам также кажется вероятным, что он рассчитан и на интересующихся лидеров других государств. Этот вывод сделан на основе мировой обстановки этого периода, так как отказ от должности президента неизбежно привлечет внимание не только жителей актуальной страны, но и зарубежных деятелей.

Статья ссылается на прошлое и желаемое В. В. Путиным будущее Российской Федерации. В ее содержании можно найти довольно много выражений и показателей отношения, которое он, по-видимому, испытывал к Западу во время написания текста.

Текст начинается с этих слов:

Современный мир живет под знаком двух глобальных событий: вступление человечества в третье тысячелетие и празднование 2000-летия христианства.

Автор в самом начале обращает внимание не только на Россию, но на весь мир. Из-под слов *«современный мир живет под знаком...»* просвечивается пресуппозиция, что [Россия имеет много общего со всем миром]. Открывая статью с такой пресуппозицией, автор может создать ощущение общности, что в свою очередь показывает его открытое настроение к остальному миру. Так как 2000-летие христианства отмечается отдельно от *«вступления человечества в третье тысячелетие»*, и христианство, к тому же, является преобладающей религией на Западе, можно вывести импликацию об общности не только России со всем миром, но также об общности России с Западом.

Далее, автор говорит о совпадении наступления миллениума с *«глубоким поворотом, который происходит в мире в последние 20-30 лет»*, а именно *«формированием того, что принято называть постиндустриальным обществом»*. Опять наблюдаем импликацию об общности России с остальным миром. Также можно далее в статье наблюдать такое же явление, где автор опять включает в ситуацию другие страны, а в особенности, можно считать, западные государства: *«даже самые передовые в экономическом плане государства не свободны от организованной преступности, роста жестокости и насилия, алкоголизма и наркомании, ослабления прочности и воспитательной роли семьи и так далее»*; *«Бурное развитие науки и технологий, передовой экономики охватило лишь небольшое число государств, в которых проживает так называемый "золотой миллиард"»*. Это можно рассматривать как принуждение, так как автор приписывает особенные роли государствам с помощью импликаций и пресуппозиций: весь мир взаимосвязан развитием общества и проблемами, связанными с ним, но только так называемый «золотой миллиард» (развитые государства, преимущественно западные) отличается от других своим «бурным развитием науки и технологий, передовой экономики», в то время как:

Немалая часть других стран также вышла в завершающемся столетии на новый уровень экономического и социального развития. Но говорить о том, что они тоже включились в процесс формирования постиндустриального общества, пока не приходится. Большинство из них даже не на подступах к нему. Более того, есть основания думать, что нынешний разрыв будет сохраняться еще очень и очень долго. Наверное, поэтому накануне третьего тысячелетия человечество вглядывается в наступающие времена не только с надеждой, но и с беспокойством.

В данной выдержке употребляется метафора «разрыв» о разнице между более и менее развитыми странами. Эта метафора имеет свое происхождение в исходном

доме «резкое, деструктивное движение». Более негативный эффект может создать высказывание о том, что человечество вглядывается в будущее не только с надеждой, но и с беспокойством. Слово «беспокойство», носящее негативные коннотации, в данном предложении стоит в позиции синтаксического ударения. Этим может производиться либо впечатление нужды в сотрудничестве всего мирового сообщества для более позитивного будущего, либо впечатление, что данное развитие не является позитивным.

Далее в статье автор пишет, что *«у наших людей эти чувства – тревоги и надежды – выражены особенно сильно. Ибо в мире найдется мало государств, на долю которых в уходящем XX столетии выпало бы столько испытаний, сколько выпало на долю России»*. Такое высказывание может дать ощущение откровенности автора, а также позиционирует Российское государство в ряд стран, которые не дотянулись до подобного уровня развития, до которого дотянулись (преимущественно) западные страны. Далее, мы находим сравнение Российского ВВП с ВВП США и Китая, а также сравнение с ВВП «большой семерки», которая состоит из западных государств. При данном сравнении, ВВП России, по словам автора, гораздо ниже ВВП выше описанных государств, что подчеркивает позицию России по отношению к этим государствам. Такое же сравнение с США находим и дальше в статье: *«Если в сырьевых отраслях и энергетике она [производительность труда] близка к среднемировым показателям, то в остальных гораздо ниже – 20-24% аналогичных показателей, например США»*. Здесь может употребление слова «например» рассматриваться как попытка показать случайность выбора объекта для сравнения, хотя сравнение именно с США. Поскольку США столь развитая страна, выбор все-таки может показаться вовсе не случайным. В таком случае, возможное значение сравнения – это желание достичь экономического уровня США, притом, разумеется, и Запада в целом, так как принято считать США своего рода символом Запада.

Экономические проблемы после распада СССР, проявившиеся в течение 90-х годов по мнению автора создали потребность в иностранных инвестициях: высказывания о «нехватке капиталовложений» из-за отсутствия «зарубежных инвесторов» могут казаться призывами к помощи восстановления российской экономики, в первую очередь направленными на западные государства. Из этого можно сделать вывод об отношении к Западу, окрашенном оттенками надежды. Сразу после данных высказываний, следует эта выдержка: *«особенно сильно потеснили нас зарубежные конкуренты на рынках наукоемкой продукции гражданского характера»*.

Доля российских изделий составляет здесь менее 1%. Для сравнения: на долю США приходится 36, Японии – 30% этих рынков». Это опять сравнение с развитыми странами, позиционирование России (себя) в экономически неблагоприятной позиции, с акцентом на экономически сильной позиции других государств, что можно рассматривать как стратегию принуждения. Далее: «в настоящее время совокупные денежные доходы россиян, рассчитанные по методике ООН, составляют менее 10% аналогичного показателя жителя США». Обращая внимание на тот факт, что денежные доходы рассчитаны по методике ООН, можно разглядеть такую пресуппозицию: [следует доверять автору, так как расчет сделан по методике организации, которая пользуется международным доверием]. Тема сравнения с США и западными государствами повторяется и здесь, из чего можно вывести импликацию, указывающую на неравные отношения между данными государствами. Дальше найдем высказывание о том, что российская экономика «неконкурентоспособна на мировых рынках», что еще раз сообщает нам о неблагоприятной позиции России. Продолжение этой мысли находим в данной выдержке: «более того, идеологизированный подход к экономике обрек нашу страну на неуклонное отставание от развитых государств». Автор приводит «расчеты экспертов» (неизвестно каких именно) на относительно нужный рост ВВП России в течение 15 лет, чтобы достичь уровня «Португалии или Испании» которые, подчеркивается, не относятся к «лидерам мировой экономики» (рост составляет 8% в год). Также приводится относительно нужный рост, чтобы достичь «нынешнего уровня... Великобритании и Франции» (10% в год). Слово «эксперты» сразу внушает импликацию о серьезности высказывания, что собственно является стратегией принуждения. Можно разглядеть импликацию о желательности достижения уровня ВВП данных государств, то есть автор считает уровень западных государств возможным достичь, и этим как будто приближает Россию к сфере Запада. Особенно ясно нам представляется такая мысль в следующих словах: «первый шаг в этом направлении сделан». Здесь выдвигается мысль об ошибочности так называемого «идеологизированного» подхода к экономике, и таким образом, способом принуждения, у читателя может возникнуть идея о том, что неидеологизированный подход может привести к улучшению результатов. По-видимому, автор хочет приблизить Россию к Западу на экономической почве, но не на идеологической.

В связи с темой идеологической основы России, автор делает перечень «исконных, традиционных ценностей россиян», под которыми выражается отношение как к собственной стране, так и к окружающему миру, поскольку автор применяет

позиционирование себя (своей страны). По поводу патриотизма он пишет: *«Это слово [патриотизм] подчас используется в ироническом или даже ругательном смысле»*, а далее заявляет, что *«для большинства россиян [...] это чувство гордости своим Отечеством, его историей и свершениями. Это стремление сделать свою страну богаче, крепче, счастливее»*. Заявление о том, что означает для «россиян» слово «патриотизм», несет в себе импликацию, что автор знает чего хочет народ, и поэтому следует считать его мнение и высказывания правдивыми. Для нас это кажется явной легитимацией себя, и слова, носящие позитивные коннотации («богаче», «крепче», «счастливее») придают народу желаемые автором качества и мнения. Таким образом автор принуждает читателя думать, что патриотизм – это довольно обычное настроение среди российских граждан. Следует такое высказывание: *«Державность. Россия была и будет оставаться великой страной»*, которое опять позиционирует Россию по отношению к другим государствам, но в этот раз выделяются не чисто экономические качества, а качества умонастроения российского народа, культуры, геополитики.

Автор далее продолжает подчеркивать различия между Россией и Западом (здесь в лице США и Англии):

Государственничество. Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии, где либеральные ценности имеют глубокие исторические традиции. У нас государство, его институты и структуры всегда играли исключительно важную роль в жизни страны, народа.

Здесь, в первую очередь, выражается нежелание уподобляться западным государствам путем импликации, а также выражается отличие в традициях, которые на Западе являются либеральными, в то время как в России преобладают традиции крепкого государства. Противопоставление либерального и крепкого государств для нас весьма интересно, так как, нам кажется по словам автора, крепкое государство не может быть либеральным. Следует выяснить что автор подразумевает под словосочетанием *«либеральные ценности»*: автор вероятно считает, что в либеральном обществе *«государство, его институты и структуры»* не имеют права активно участвовать в *«жизни страны, общества»*. Это означает, что государство играет минимальную роль. из этого следует вывести, что оно ни противодействует коррупции, ни помогает народу, в то время как крепкое государство, играя большую роль в данных сферах и противодействует коррупции, и помогает народу.

Но автор явно не желает отказаться полностью от ценностей других стран: *«Мне представляется, что новая российская идея родится как сплав, как органичное*

соединение универсальных, общечеловеческих ценностей с исконными российскими ценностями, выдержавшими испытание временем». Здесь не выясняется именно какие ценности должны соединяться с российскими. Слова «универсальные, общечеловеческие» создают ощущение общности с другими государствами, но в то же время не со всеми. Можно задаться вопросом о том, существуют ли всемирные («универсальные») ценности, и делится ли все человечество мнением о ценностях («общечеловеческие»). Чувствуется довольно сильно некоторого рода желание усвоить чужое (скорее всего, западное) для выработки собственной идеологии. Однако, именно какие ценности автор желает усвоить, затруднительно нам понять по той информации, которая дается в статье.

В части статьи под названием «(В) эффективная экономика», автор пишет об уроках, извлеченных им за 90-е годы. Под пунктом 3.1 он пишет:

Одновременно мы будем и далее вести работу по созданию в стране инвестиционного климата, привлекательного для зарубежных инвесторов. Скажу откровенно, без иностранных капиталов страна будет подниматься долго и трудно. Времени на медленное возрождение у нас нет. Значит, надо сделать все, чтобы зарубежный капитал пошел в нашу страну.

Пресуппозиция данного отрывка – это [нам нужен иностранный капитал, в России нет недостатка капитала]. Таким образом можно разглядеть надежду на сотрудничество с другими государствами, скорее всего особенно с развитыми (западными), поскольку в них содержится большое количество капитальных богатств, а также, возможно и с другими деятелями на мировом рынке. Автор под пунктом 3.2 в статье пишет о финансовых ресурсах: *«для мобилизации финансовых ресурсов, необходимых для проведения этой политики, следует использовать механизмы, которые давно известны в мировой практике».* Можно считать желание уподобиться другим деятелям мирового рынка импликацией в данной выдержке. На мировом рынке, как известно, в высокой степени активно действовали (и до сих пор действуют) западные компании. Это тоже может казаться выражением положительного взгляда на сотрудничество с зарубежными деятелями в будущем. Под пунктом 3.3 автор пишет: *«Правительство считает, что в экономике России, как и в других промышленно развитых странах, есть место как для финансово-промышленных групп, корпораций, так и для малого и среднего бизнеса»*, из чего можно вывести пресуппозицию [Россия – промышленно развитая страна, и имеет способность развиваться как следует]. Это мы считаем показателем надежды на восприятие России как равноценной другим

промышленно развитым странам, как собственным народом, так и зарубежными деятелями.

Под пунктом 3.5 находим еще один случай сравнения, и вместе с ним – позиционирование себя по отношению к другим: *«Но если в развитых государствах ее (теневая экономика) доля в ВВП не превышает 15-20%, то у нас этот показатель достигает 40%»*. Такое позиционирование внушает мысль о том, что России следует уподобить свои методы тем методам, которые употребляются в развитых странах, так как они показали, что успешно могут бороться с проблемами.

Под пунктом 3.6 продолжается такое позиционирование: *«Последовательная интеграция экономики России в мировые хозяйственные структуры. Без этого мы просто не сможем подняться на те ступени экономического и социального прогресса, которые достигнуты передовыми странами»*. Пресуппозиции последнего предложения – [нам нужно подняться на уровень экономического и социального прогресса, достигнутые передовыми странами]; [мы находимся на относительно низком уровне развития]. А далее: *«решительное противодействие дискриминации России на мировых рынках товаров, услуг, а также инвестиций»* подразумевает пресуппозицию, что [Россия в позиции жертвы подвергается дискриминации]. Такое опять явное позиционирование может принудить читателя считать справедливым упрощение процесса пропуска России на мировой рынок, и в этом можно у автора найти надежду именно на вступление на рынок, на уровне так называемых «передовых стран». Еще один показатель надежды на справедливость следует в данной выдержке, где выражается желание быть включенным в ВТО: *«включение России в международную систему регулирования внешнеэкономической деятельности, в первую очередь в ВТО»*. Желание вступить в ВТО вероятно относится к надежде об экономической справедливости, скорее чем о чисто политической справедливости.

Выразив мнение, что Россия находится в нежелательном положении по сравнению с передовыми странами мира, автор начинает выяснять какую функцию правительство должно выполнять для улучшения нынешней ситуации:

Несмотря на все трудности, правительство твердо намерено усилить меры государственной поддержки науки, образования, культуры, здравоохранения. Ибо страна, где люди нездоровы физически и психически, малообразованны и невежественны, никогда не поднимется на вершины мировой цивилизации.

Используя фразу «подняться на вершины мировой цивилизации», автор посредством принуждения может внушить мысль, что правительство России нацелено на улучшение своего положения в мире и усвоение положительных черт

высокоразвитых стран. употребление самого слова «цивилизация» в единственном числе, в сочетании со словом «мировой», может путем принуждения вызвать у читателя/слушателя представление о единой мировой цивилизации. Из того, что данная цивилизация имеет «вершины», можно вычитывать, что она также имеет «низмы», т.е. она имеет ступенчатое распределение. Автор далее пишет, что Россия, следуя по нынешнему пути, может «оказаться во втором, а то и в третьем эшелоне государств мира». Так как такое положение считается нежелательным, автор предлагает такое решение проблемы:

Чтобы этого не произошло, необходимо огромное напряжение всех интеллектуальных, физических и нравственных сил нации. Нужна слаженная созидательная работа. За нас ее никто не выполнит. Все сейчас зависит только от нашей способности осознать степень опасности, сплотиться, настроиться на длительный и нелегкий труд.

Таким образом, автор пытается убедить читателей в возможности улучшения положения собственными силами граждан России, и таким образом, мы можем вывести импликацию о невиновности внешних (заграничных) деятелей по поводу попадания в нынешнюю ситуацию, а также об отсутствии требования к ним исправить ситуацию. Здесь просвечивается тема автономности России и отсутствия претензий к Западу.

Выводы

Текст начинается с нескольких отметок общих явлений России с миром, а также России с Западом. Это можно воспринимать как попытку автора отождествлять данные государства. В свою очередь, можно воспринимать такое отождествление как импликацию, что Россия не хуже других, так как имеет столько с ними общего, и поэтому совершенно возможно найти общий язык с ними. Нам тем не менее кажется по написанному, что некоторые страны находятся в гораздо лучшем положении, чем Россия. Автор называет эти страны по-разному: «высокоразвитые»; «передовые»; «золотой миллиард»; «большая семерка», а иногда и называет их эксплицитно: Англия, Франция, США. Эксплицитно названные страны считаются западными, а имплицитно названные также можно считать западными по определенным выведенным нами показателям. Автор совершает большое количество сравнений России с данной категорией стран, постоянно указывая на то, что Россия отстает от них по развитию. Таким образом у читателя создается ощущение, что хотя имеется нечто общее с такими странами, Россия как будто несправедливо находится в нынешнем негативном положении. Автор выражает, что Россия по некоторым параметрам, особенно

экономическим, должна уподобиться «передовым» странам, но в то же время оставить, например, свою склонность к сильному государству, из чего можно вывести, что автор пытается приписывать стране положительные качества и ценности.

Автор обращает внимание на потребность России в иностранном капитале, чем подразумевает, и местами эксплицитно выражает, желание привлечь иностранных инвесторов, скорее всего западных, но а также других деятелей на мировом рынке. Такое желание указывает на отношение надежды на сотрудничество с западными государствами.

Хотя автор подчеркивает желание полноценного участия на мировом рынке, он также подчеркивает нежелание политически полностью уподобиться западным государствам («*Россия не скоро станет, если вообще станет, вторым изданием, скажем, США или Англии*»). Таким образом можно считать, что автор интересуется экономическим уподоблением России к Западу, но не политическим.

В конце текста, автор говорит о дискриминации России на мировом рынке, что может у читателей создать впечатление враждебного отношения других государств к России. Автор желает включить Россию в ВТО в качестве решения данной проблемы, что одновременно может имплицировать его желание «помириться» с деятелями, которые оказывают такую дискриминацию.

Употребление фразы «вершины мировой цивилизации» предполагает наличие «низов мировой цивилизации». Таким образом, можно вывести, хотя существует лишь одна (ед. число), то распределение цивилизации является ступенчатым.

Автор в самом конце объявляет, что трудную работу по восстановлению страны «*за нас никто не выполнит*». Это указывает на независимость России от внешних сил, а также на отсутствие претензий к зарубежным деятелям.

2.2 Послание Федеральному Собранию

Российской Федерации от 8 июля 2000 года

Данный текст был выбран нами для анализа на основе его значимости для диахронической перспективы нашей работы. Он был произнесен в качестве речи на совместном заседании двух палат парламента РФ (Совета Федерации и Государственной Думы), которое называется Федеральным Собранием, 8 июля 2000 года в Кремле. К этому времени В. В. Путин уже являлся избранным президентом РФ, в отличие от момента публикации статьи «Россия на рубеже тысячелетий».

Текст состоит из 5147 слов, и был опубликован в интернете на сайте Кремля, вместе с видеосъемкой выступления. Послание Федеральному Собранию, естественным образом, не рассчитано только на Федеральное Собрание, но и на весь народ, живущий в России. Такого рода ежегодные публичные послания также необходимо привлекут внимание и зарубежных деятелей, интересующихся политической и экономической ситуацией России. Поэтому считаем возможность учета и зарубежных деятелей вполне вероятной при написании текста.

По данным R. Sakwa (2008, p. 59), В. В. Путин считал все свои Послания Федеральному Собранию РФ столь важными документами, что он требовал переделывать их по нескольку раз, пока он сам не стал совершенно довольным результатом. Такое утверждение подтверждает нашу ранее приведенную теорию об ответственности произносящего речь за ее содержание.

Хотя данный текст во многом говорит чисто о ситуации РФ и ее внутренних проблемах, в нем можно найти несколько для нас интересных моментов, выражающих отношение к Западу в пору произнесения. Речь была произнесена в необычное время (в середине года, а не в начале) из-за выборов.

Первое, что следует отметить в тексте – это поднятие темы вины РФ за ситуацию, в которой страна уже долгое время находилась: *«Надо признать: диктату теневой экономики и "серых" схем, разгулу коррупции и массовому оттоку капитала за рубеж во многом способствовало само государство»*. В данной выдержке наблюдаем активное использование метафор с исходными доменами, связанными с явлениями сильного проявления – а именно «разгул» (безудержное проявление чего-либо) и «отток» (оттекать, течь). Вместе с использованием слов, носящих отрицательные коннотации («диктат», «коррупция»), это способствует автору текста принудить слушателя/читателя думать о природных, автономных явлениях разрушающего характера. Это можно рассматривать как позиционирование российского государства (себя) как единственного деятеля, способного на исправление ситуации, снимая ответственность с иностранных деятелей, хотя «отток капитала» направлен именно за рубеж. Можно из этого вывести импликацию, что Россия (автор) открыто относится к другим государствам и зарубежным деятелям. Также можно вывести желание автора произвести впечатление нового взгляда на Россию в контексте мирового сообщества. Мы считаем естественной мысль, что данная выдержка выражает отношение надежды к Западу, так как, как известно, многие русские коммунисты и националисты обвиняли именно Запад в разрушении СССР, в то время

как выдержка выражает обратную мысль: именно Правительство РФ несет вину за происшедшее, поэтому следует снять вину с Запада (Hill and Gaddy, 2013, p. 312). Текст продолжается такими словами: *«Долгое время мы выбирали: опереться на чужие советы, помощь и кредиты или – развиваться с опорой на нашу самобытность, на собственные силы. Перед подобным выбором стояли очень многие страны»*, что позиционирует Россию среди стран, которые находятся в экономически слабой позиции. Однако, здесь можно найти и пресуппозицию о существовании самобытности и собственной силы России. Это важно для рассмотрения следующего абзаца:

Если Россия останется слабой, то нам действительно придется делать такой выбор. И это будет выбор слабого государства. Это будет выбор слабого. Единственным же для России реальным выбором может быть выбор сильной страны. Сильной и уверенной в себе. Сильной – не вопреки мировому сообществу, не против других сильных государств, а вместе с ними.

Следуя за пресуппозицией о собственной силе и самобытности России, мы четко видим, что автор не только пытается позиционировать Россию среди стран, которые страдают слабой экономикой, но также как сильную страну, предназначенную принадлежать к ряду сильных, развитых стран мира. В данном абзаце нас особенно интересуют два момента: использование антонимов *слабый/сильный*, и импликатура о желании России стать одним из лидеров мирового сообщества.

Использование антонимов *«слабый/сильный»* рисует довольно интересную картину, в которой можно разглядеть пресуппозицию [страны мира делятся на два типа: на сильные и на слабые]. В статье *«Россия на рубеже тысячелетий»* автор имплицитно описывал идеальное государство как крепкое, и здесь он использует слово *«сильный»* для обозначения идеальной позиции в мировом сообществе. Нам кажется, что автор таким употреблением контрастов по поводу позиций пытается увеличить расстояние между собой (Россией) и *«слабыми»* государствами, одновременно пытаясь приблизить себя (Россию) к *«сильным»* государствам. Здесь также находим импликатуру о желании стать одним из лидеров мирового сообщества, одновременно с желанием *«подружиться»* с передовыми государствами (*«не против других сильных государств, а вместе с ними»*). Нам кажется разумным считать западные страны передовыми государствами, и, таким образом, мы получаем импликатуру, что автор надеется на сотрудничество с Западом в равных условиях.

Однако, в данном тексте выражается не только надежда о более позитивном будущем РФ в позиции одного из лидеров мирового сообщества. Автор в этой части текста перечисляет *«самые острые проблемы, стоящие перед страной»*:

Возрастающий разрыв между передовыми государствами и Россией толкает нас в страны третьего мира. Цифры текущего экономического роста не должны нас успокаивать: мы по-прежнему продолжаем жить в условиях прогрессирующего экономического отставания. Я прошу вас обратить на это особое внимание.

Также как в своей статье, автор опять говорит о «разрыве» между Россией и «передовыми государствами мира», большей частью которых можно считать западные страны. Это, путем стратегии представления, подчеркивает экономически негативную позицию России по отношению к Западу, а также вызывает у читателя/слушателя ощущение тревоги (особенно использованием фразы «не должны нас успокаивать»), что можно считать стратегией принуждения. Как и в статье, речь опять идет об экономике, а не об идеологии при описании российского «отставания». Это нам кажется весьма показательным, так как отсюда можно делать вывод об идеологической «правильности» пути РФ, поскольку автор не критикует его, и одновременно об экономической недостаточности, что перемещает часть вины на частных предпринимателей. Это позиционирует правительство РФ на нравственно «правильной» стороне деонтической шкалы.

На тему экономики, далее находим сравнение роста российского ВВП с ростом ВВП других стран, что тоже было важной темой в статье автора: *«Но они [сегодняшние экономические показатели] весьма скромны по сравнению с другими странами, которые развиваются, и гораздо быстрее, и гораздо устойчивее развиваются, чем мы»*. Мы опять можем отметить имплицитное желание уподобиться передовым странам, выраженное позиционированием. Далее, на эту же тему, следует такое высказывание: *«Сможем ли мы сохраниться как нация, как цивилизация, если наше благополучие вновь и вновь будет зависеть от выдачи международных кредитов и от благосклонности лидеров мировой экономики?»*. Автор риторическим вопросом выражает желание достичь уровня «мировых лидеров», не входя в роль жертвы. Он тем самым позиционирует Россию как независимую страну, способную на благополучное развитие без помощи Запада, в чем содержится пресуппозиция [Россия находится в процессе становиться такой же сильной и способной страной, как западные]. Интерес также представляет употребление слова «цивилизация». Нам в данной выдержке кажется, что понятие «нация» подразумевает понятие

«цивилизация», и в таком случае можно вывести две возможные пресуппозиции: либо [существуют разные нации, следовательно существуют и разные цивилизации в нациях/частях мира/религиях], либо [следует сохраниться как нация, чтобы принадлежать к цивилизации (мировой)].

В данном тексте автор ранее писал только об экономических отношениях между странами, но в данном отрывке он сливает понятие экономики с понятием политики:

Устойчивая экономика – это главная гарантия и демократического общества, и основа основ сильного и уважаемого в мире государства.

Россия сталкивается и с серьезными внешними проблемами. Наша страна вовлечена во все мировые процессы включая экономическую глобализацию. Мы не имеем права «проспать» и разворачивающуюся в мире информационную революцию

В данном отрывке, словосочетание «демократическое общество» вместе с фразой «сильное и уважаемое в мире государство», будучи носителями позитивных коннотаций, могут путем принуждения настроить читателей/слушателей положительно к идее автора. Желание сделать РФ демократической, сильной и уважаемой, также позиционирует автора на «правильной» стороне деонтической шкалы, чем автор легитимирует себя. Эпистемически «правдивые» высказывания о мировых процессах и участии России в них, придают оттенок честности. Взяты вместе, данные приемы выражают сильное желание стать участником процессов развития, в которых активно участвуют западные государства. Отсюда можно вывести пресуппозицию [Россия способна и должна участвовать в данных процессах], что собственно содержится и в следующем предложении: *«мы не можем и не должны проигрывать стратегически»*.

Автор продолжает говорить о внешней политике, как будто обращаясь прямо к Западу когда речь идет о холодной войне. Автор говорит, что хотя *«холодная война осталась в прошлом»*, то до сих пор все равно замечаются ее последствия. Мы выше в работе отметили, что автор иногда как будто снимает с Запада вину за трудности России, а здесь нам тем не менее кажется, что вина все-таки не совсем снята: *«Это – и попытки ущемления суверенных прав государств под видом ”гуманитарных” операций или, как модно сейчас говорить, ” гуманитарных” интервенций»*. Здесь находим явную импликацию о том, что Запад, во главе которого были США, искажал информацию во время холодной войны, и что искажение до сих пор происходит, что выражается в словах *«как модно сейчас говорить»*. Автор далее говорит, что имеются

трудности находить общий язык в вопросах, касающихся разного рода угроз. Пресуппозиция данного высказывания – [Россия пытается найти общий язык с западными государствами в важных вопросах. Западные государства не стараются этого делать, так как они с пор холодной войны по сей день имеют искаженное представление о РФ, и стараются ее ущемлять]. Автор таким образом позиционирует Россию в роль жертвы, лишенной возможности обсуждать важные вопросы с западными государствами. Выводы, которые можно сделать из данной информации – это, во-первых, что Россия – жертва политики Запада, и поэтому до сих пор страдает, а во-вторых, что автор вероятно надеется на улучшение отношений между Западом и Россией.

Угроза, о которой речь идет далее – это международный терроризм. Россия (В. В. Путин) набрала опыт с терроризмом во время войн в Чечне, вторую из которых автор сам назвал «анти-террористической операцией» (Sakwa, 2008, p. 231). Нам кажется вероятным, что он ссылается именно на этот опыт в следующей цитате: *«Наши усилия избавить Россию от этой опасности подчас трактуются необъективно и односторонне, становятся поводом для разного рода спекуляций»*. В безличной конструкции автор явно подразумевает Запад в качестве «необъективного трактующего», так как именно из Запада поступала сильная критика в его адрес (Hill and Gaddy, 2013, p. 315). Использование слов, носящих негативные коннотации, помогает позиционировать Россию как жертву (несправедливой критики) Запада. Мы считаем справедливым назвать отношение, выраженное данным позиционированием, недоверчивым. В этом же абзаце далее следуют эти высказывания:

В этой связи важным направлением внешнеполитической деятельности должно стать содействие объективному восприятию России. Достоверная информация о событиях в нашей стране – это сегодня вопрос ее и репутации, и национальной безопасности.

Пресуппозиция первого предложения – это [не воспринимают Россию как следует], а второго предложения – [информация, которую распространяют о России – недостоверна и опасна, и портит ее репутацию]. Можно воспринимать некоторую надежду на изменение восприятия мирового сообщества (и, в особенности, Запада) о России, а также, нам кажется, замечается обиженность за полученную критику. Из слов автора мы вычитываем представление о собственной эпистемической «правильности», то есть представление о желании распространить реальную, объективную правду. Автор таким образом позиционирует себя (и Россию) как нравственно (деонтически) «правильного» деятеля.

Западная тема остается в следующем высказывании, где речь идет о свободе, что считается западной ценностью. Поднимается тема соотношения силы и свободы, что можно воспринимать как имплицитное выражение, или даже метафору, отношения России к Западу, поскольку сила (государства) в России почти всегда, и по сей день, считается русской ценностью. Высказывание *«Он [спор о соотношении силы и свободы] и по сей день порождает спекуляции на темы диктатуры и авторитаризма»* путем принуждения заставляет читателя воспринимать импликацию, что, Запад, в первую очередь, несправедливо обвиняет автора в диктатуре и авторитаризме. Здесь продолжается тема недоверчивости. Следует попытка переубеждения и обвиняющей стороны, и самого российского народа, в справедливости и правильности пути РФ:

Но наша позиция предельно ясна: только сильное, эффективное (если кому-то не нравится слово «сильное», скажем – эффективное) государство и демократическое государство в состоянии защитить гражданские, политические, экономические свободы, способно создать условия для благополучной жизни людей и для процветания нашей Родины.

В данном предложении наблюдаем ироническую импликацию – «кому-то» ссылается на западных деятелей (и, возможно, поддерживающих их российских либеральных), обвинивших автора в диктатуре и авторитаризме. Имплицитно в этом предложении содержится обвинение западных деятелей в непонимании содержания словосочетания «сильное государство». Следует пояснение значения понятия «сильное государство», которое включает ряд традиционно западных ценностей. Нам кажется, что такое употребление юмористического приема, вместе с пояснением подразумеваемого значения, вероятно является выражением более легкого, открытого отношения к Западу, а также является выражением надежды на более позитивное будущее для России. На эту же тему, автор немного позже в тексте называет конфликт между ценностями личной свободы и интересами государства «ложным», вероятно чтобы подчеркнуть ранее сказанное.

Автор позже в тексте опять поднимает тему сравнения России с Западом, в этот раз в лице европейских государств: *«В Европе столько государств договорились в Риме в 1957 году о свободном движении товаров, людей и услуг. Все действует. А мы в рамках единого государства не можем этого добиться»*. Опять наблюдаем позиционирование России (себя) и представление ситуации России как весьма неудачной по отношению к Западу. Последнее предложение содержит импликацию о неэффективности экономической политики, которую вели до данного момента. Это

может служить легитимацией желания усвоить западную модель экономической политики.

Выводы

В данный текст включено довольно большое количество тем, среди которых мы нашли некоторые, выражающие отношение к Западу. Первая тема, которую мы отметили – это тема вины российского государства за собственное неблагоприятное положение. Как нам известно, многие в этот временной период обвиняли именно Запад в разрушении СССР, но нам кажется, что высказывание *«во многом способствовало само государство»* несет в себе отрицание именно таких обвинений. Тем же автор показывает открытое отношение ко всему миру, в особенности к Западу. Также можно считать, что в данном высказывании содержится предложение о новом взгляде на Россию как на более открытую страну, способную на исправление собственной ситуации.

Нас также интересует использование антонимов «сильный» и «слабый»: в тексте «Россия на рубеже тысячелетий», идеальное государство описывается как крепкое, также как и в этом тексте слово «сильный» употребляется для обозначения идеальной позиции в мировом сообществе. Позже в тексте это же слово используется для обозначения идеального государства, в то время как слово «слабый» обозначает нежелательное положение в мировом сообществе. На этом месте опять возникает выражение желания о сотрудничестве с другими государствами, нам кажется особенно с западными, которые автор называет сильными, то есть носящие именно тот признак, которым автор сам стремится обладать.

В данном тексте также находим тему экономического «разрыва» между Россией и «передовыми странами», которую автор поднял еще в предыдущем тексте. Экономическое отставание России – это важная проблема для автора, которая служит средством позиционирования России по отношению к Западу. Следует отметить, что, как нам кажется, автор не желает, позиционировать Россию в роль жертвы.

Интерес представляет употребление слова «цивилизация» – из слов «сохраниться как нация, как цивилизация», можно вычитать либо взгляд, что в каждой нации/религии/части мира имеется своя цивилизация, либо что следует сохранить свою нацию, чтобы участвовать в единой мировой цивилизации.

В начале данного текста, а также в течение предыдущего текста, экономическая тематика являлась главной по отношению к Западу. Однако, в данном тексте поднимается тема демократии, хотя и в экономической перспективе. Автор считает,

что Россия заслуживает пользоваться уважением в мире, а не подвергаться санкциям, связанным с прошлым («холодная война осталась в прошлом»). Хотя в начале текста речь шла о невинности Запада в неудачах России, просвечивается легкое возмущение за испытываемое автором нежелание Запада найти общий язык с Россией. Такое же возмущение выражается и далее, по поводу войны в Чечне и реакции Запада на действия РФ. Нам кажется, что автор воспринимает критику от Запада как почти враждебную, но в то же время выражает надежду на изменение данных отношений.

Автор как будто выражает более открытое и легкое отношение к западным критикующим использованием юмористического приема иронии. Это также можно воспринимать как надежду на изменение отрицательных отношений между государствами.

Мы также считаем важным отметить сравнение России с европейскими государствами. В данном контексте сравнение может служить оправданием желания автора усвоить западную экономическую модель.

Итак, в итоге данного анализа видим явное желание «подружиться» с западными государствами и проявление отношения надежды на уважительные отношения в будущем. Также выражается возмущение за критику, поступившую от западных деятелей, которую нам кажется автор считает несправедливой.

2.3 Послание Федеральному Собранию

Российской Федерации от 3 апреля 2001 года

Данный текст, как и предыдущий, был выбран нами для анализа на основе его значимости для диахронической перспективы нашей работы. Этот текст тоже был произнесен в качестве речи в московском Кремле перед Федеральным Собранием, в этот раз в обычное время (в начале года) – 3 апреля.

Текст был опубликован в интернете на сайте Кремля, но видеосъемку выступления не опубликовали на сайте, хотя выступление транслировалось по телевидению («*Общественные каналы телевидения транслируют сегодня наше заседание на всю страну в прямом эфире*»). Текст состоит из 6245 слов. Он, как и предыдущий текст, рассчитан не только на Федеральное Собрание, но и на зарубежных интересующихся.

В момент произнесения текста, В. В. Путин уже год как действовал избранным президентом РФ, и в данном тексте можно найти элементы его уже сформировавшихся политики и взглядов на внешнюю политику: этой теме выделен целый раздел текста, в

отличие от предыдущего, где речь шла не столько о внешней политике, сколько о позиции РФ в мире и ее внутренних делах.

Начало данного текста по большей части посвящено внутренним делам РФ, поэтому мы не будем обращать особого внимания на эту часть текста.

Первое, что следует отметить – это сравнение России с Финляндией в той части текста, где речь идет об экономическом отставании. В предыдущем тексте мы выяснили, что такое обращение внимания на экономическое отставание России, вместе с сравнениями с западными государствами, служат средствами позиционирования России по отношению к Западу, что собственно происходит и здесь:

Суммарная капитализация российского фондового рынка составляет около 50 миллиардов долларов, тогда как, например, стоимость крупнейших компаний нашего ближайшего соседа – Финляндии – в пять раз больше. Сопоставьте размеры: крупнейшие российские компании, так называемые «голубые фишки», стоят в разы меньше, чем их зарубежные аналоги.

Это – представление России (себя) как государство, находящееся в экономически неблагоприятной позиции, в то время как северно-европейское государство приводится в качестве примера страны, находящейся в экономически благополучном положении, имплицитно обобщенную разницу между Западом и Россией.

Следующее, что следует отметить – это прямое проявление желания вступить в ВТО, о чем в первом тексте тоже шла речь:

Разумеется, [таможенный] кодекс должен соответствовать и нормам ВТО, присоединение к которой остается нашим приоритетом. Мы должны достичь базовых договоренностей со странами – членами ВТО уже к концу этого года. Задача парламента – привести российское законодательство в соответствие с нормами и положениями Всемирной торговой организации

Желание вступить в данную организацию с большой вероятностью несет в себе импликацию о равенстве России с передовыми (западными) странами мира, из чего можно сделать вывод об имплицитном желании быть признанным и уважаемым членом мирового сообщества, особенно в сознании Запада. Здесь явно проявлена надежда на сотрудничество в экономической сфере с передовыми странами мира.

Такая надежда проявляется в течение не всего текста, как показывает позиция автора к решению Правительства не подписывать соглашения с Международным Валютным Фондом:

Согласовав в целом программу бюджетной, денежно-кредитной и структурной политики, Правительство приняло на себя обязательство по ее выполнению без заключения формального соглашения с МВФ. Думаю, что Правительство способно контролировать свои действия и должно будет

доказать, что оно способно это делать, без всякого контроля со стороны международных финансовых организаций, но в рамках той программы, которая подготовлена

Здесь можно вывести импликацию о независимости России от внешнего контроля, что собственно можно воспринимать как заявление о нежелании вмешательства зарубежных деятелей, в том числе и западных, где МФВ имеет свои корни, в дела российского государства. С другой стороны, можно рассматривать данное высказывание как имплицитное заявление о том, что можно доверять России, и что не нужно держать ее под контролем. Мы в любом случае можем сказать, что аргумент является легитимацией позиции России относительно данного решения.

Позже в тексте следует объяснение принятию данной позиции, в той части, которая посвящена внешней политике. Автор говорит, что обязательно учитывать *«прочность наших [России] международных позиций»*, что собственно несет в себе пресуппозицию [Россия – страна, удерживающая прочные позиции и должна показывать свою силу и прочность, чтобы добиться уважения]. Далее, в этом же абзаце, автор заявляет о взаимосвязи внешней и внутренней политики как показателе благосостояния страны: *«Внешняя политика – это и индикатор, и существенный фактор состояния внутригосударственных дел»*, и далее: *«От того, насколько грамотно и эффективно мы используем свой дипломатический ресурс, зависит не только авторитет нашей страны на международной арене, но и политическая, и экономическая ситуация в самой России»*. Это явные показатели желания автора добиться уважения в мировом сообществе в целом, а также представления автора о нынешней позиции, которую он (Россия) занимает в мире. Можно вывести из желания добиться уважения, что автор считает занимаемую позицию не достаточно сильной.

Автор объясняет на какой основе он считает правильным строить внешнюю политику: *«Я уже не раз говорил, что Россия должна строить свою внешнюю политику на основе четкого определения национальных приоритетов, прагматизма и экономической эффективности»*, из чего нам кажется очевидным вывод, что автор также как и в первом тексте имплицитно, что он не готов подстраивать политику под желания других государств, а скорее сохранять российские ценности и бороться за уважение других государств. Заявление «я уже не раз говорил» открывает возможность связать данное высказывание с ранее обсуждаемой нами проблемой усвоения Россией западных ценностей. Нам кажется, что автор не желает изменить позицию относительно ценностей, но тем не менее поддерживает надежду достичь экономического сотрудничества.

Представляет интерес использование слова «эффективность». В первом Послании Федеральному Собранию автор выразил намерение использовать данное слово в качестве иронического взаимного заменителя слову «сила» в контексте государства. Не было выяснено, могут ли два слова взаимно заменяться в контексте экономики, но тем не менее мы считаем, что можно воспринимать словосочетание «экономическая эффективность» как «экономическая сила». В таком случае, прибавится коннотация «прочность», к чему нам кажется автор стремится.

Далее следует повторное заявление о желании вступить в ВТО: *«...ускорять подготовительные работы по вступлению в ВТО на приемлемых для нас условиях, в целом работать на конкурентоспособность России во всех смыслах этого слова».*

Опять поднимается тема условий, на которых автор желает вступить в сотрудничество с экономически развитыми (западными) государствами. Отсюда можно вывести импликацию о неконкурентоспособности России, которая, путем принуждения, вероятно намерена у слушателей/читателей вызвать ощущение долга перед страной. Основой такого намерения может быть надежда об улучшении ситуации и отношений между странами.

Условия, при которых автор надеется сотрудничать с членами ВТО, следуют в данной выдержке:

Это – баланс интересов и взаимовыгодный характер сотрудничества, уважение и доверие. Такие подходы много продуктивнее жестких идеологических догм. И те, кто эти подходы разделяет, могут быть уверены, что в лице России они всегда найдут заинтересованного и предсказуемого партнера.

Здесь автор заявляет об открытости России к возможным будущим партнерам, одновременно с отказом от подходов прошлого. Россия представляется как надежный член сообщества, готовый исполнить свои обязательства. С помощью словосочетания «жесткие идеологические догмы», носящее отрицательные коннотации, автор представляет Россию в совершенно новом, более положительном свете, ссылаясь на неэффективные приемы прошлого. Такое представление вероятно, использовано автором для воздействия на то, как воспринимают развитые страны Запада Россию, чтобы принудить их относиться более открыто к «новой России».

Хотя автор заявляет об открытости России, следуют требования к иностранным государствам учитывать интересы России:

При этом учет и уважение национальных интересов России со стороны наших международных партнеров являются для нас принципиальными. Все это в полной мере относится и к обсуждению проблем сохранения стратегической

стабильности, разоружения, расширения НАТО, формирования основ миропорядка в XXI веке.

Нам кажется весьма вероятным, что данные требования к уважению интересов России направлены на западные государства, поскольку автор прямо указывает на «проблему расширения НАТО», который состоит из западных государств. Такое заявление вызывает ощущение некоторого возмущения и опасений к Западу. Это можно считать выражением недоверия автора (России) к Западу. Амбивалентность в высказываниях об открытости, и одновременно о недоверии к Западу, можно воспринимать как имплицитное желание получить доказательства о степени серьезности, с которой Запад относится к сотрудничеству с Россией. Автор таким образом показывает насколько серьезно он сам относится к возможному сотрудничеству.

Речь идет не только о сотрудничестве с НАТО, но и с Европейским Союзом. Здесь автор эксплицитно выражает желание интегрироваться с Европой, что показывает положительное отношение к западным государствам, хотя государства, которые не относятся к числу западных, также входят в состав ЕС: *«В этом плане, безусловно, возрастает значение дальнейших усилий по налаживанию партнерства с Европейским союзом. Курс на интеграцию с Европой становится одним из ключевых направлений нашей внешней политики»*. В этой связи у российского читателя/слушателя может возникнуть ассоциация с Петром I, который хотел «открыть окно в Европу». Это может помочь настроить российский народ более положительно к интеграции с Европой, легитимируя перед народом сотрудничество.

Однако, после позитивных высказываний опять следуют упреки НАТО:

Мы остаемся последовательными и в наших отношениях с НАТО. Эти отношения регулируются Основопологающим актом о взаимных отношениях, сотрудничестве и безопасности, подписанным в 1997 году, и считаем, что проблема в том, что эта организация зачастую игнорирует мнение международного сообщества и положения международно-правовых документов при принятии своих решений, в этом самая главная проблема. Поэтому будущее наших отношений с альянсом напрямую зависит от того, насколько точно соблюдаются основополагающие принципы и нормы международного права, в первую очередь в вопросах неприменения силы и угрозы силой. Наша позиция ясна: единственной организацией, правомочной санкционировать применение силы в международных отношениях, является Совет Безопасности Организации Объединенных Наций.

Здесь ясно выражаются возмущение и опасения перед поведением НАТО. Автор вероятно ссылается на активное участие альянса в военной операции в Белграде в 1999 году, во главе которой стояли США (Hill and Gaddy, 2013, pp. 298-299). Данная

операция для автора, а скорее всего и для российского народа, является символом незаконной деятельности НАТО. Факт, что автор поднимает эту тему, может служить стратегией принуждения, и вызвать у читателя/слушателя ощущение враждебного отношения Запада к России. Это способствует легитимации возмущения автора. Тем не менее, просвечивается некоторая надежда на исправление поведения альянса, так как автор еще не готов порвать отношения. Можем вывести из прямых упреков импликацию о равенстве между Россией и Западом. Нам кажется, что автор считает себя нравственно (деонтически) в праве требовать от альянса изменений. Он таким образом легитимирует собственную позицию. Автор одновременно выражает доверие к Совету Безопасности ООН, что показывает положительное отношение к международному сотрудничеству.

Выводы

В данном тексте выделен целый раздел внешней политике, в отличие от предыдущего текста. Мы также нашли интересные моменты вне этого раздела.

Первое, что мы считаем интересным – это продолжение темы сравнения России с западными странами, в этот раз с Финляндией, с целью позиционировать себя по отношению к Западу, указывая на экономически неблагополучную ситуацию РФ.

Автор с надеждой на улучшение ситуации не раз возвращается к теме вступления в ВТО, показывая тем самым, что он имеет сильное желание воспользоваться уважением передовых (западных) стран мира и действовать на одном уровне с ними.

Поддержка решения Правительства не подписывать соглашения с МВФ указывает на желание автора стать признанным членом мирового сообщества. В этом находим выражение желания о независимости от внешнего контроля, и одновременно выражение желания иметь возможность доказать лидерам мировой экономики, что следует оказывать доверие к российскому государству.

В данном тексте автор опять, хоть и имплицитно, поднимает тему ценностей, показывая свое нежелание изменить ценностную основу, на которой строится политика РФ. Это можно рассматривать как позиционирование себя как деятеля мирового сообщества, заслужившего уважения лидеров этого сообщества к собственным ценностям. Автор также выражает желание вступить в экономическое сотрудничество (ВТО) с данными деятелями.

Автор представляет Россию как будто в новом свете, поднимая тему природы сотрудничества с другими государствами. Это можно считать выражением надежды на

сотрудничество в равных условиях, а также заявлением об открытом настрое России к Западу.

Несмотря на проявленную открытость, автор выражает возмущение и опасения в своем отношении к НАТО. Эта тема продолжается упреками альянса, вместе с требованием изменить поведение для поддержки положительных отношений в будущем. Автор таким образом позиционирует себя как деятеля, имеющего права предоставлять требования к альянсу, наравне с лидерами мирового сообщества.

Тема интеграции в Европу также поднимается, которую мы считаем показателем надежды и открытого отношения к ЕС, в том числе и к западным странам, состоящим в союзе.

Следует отметить, что месяц спустя написания текста, состоялся саммит России с Европейским Союзом в Москве, где выразились весьма положительные отношения к сотрудничеству между участниками саммита (Министерство Иностранных Дел Российской Федерации [МИД РФ], 2001). Также была подписана декларация о сотрудничестве в сфере производства электрической энергии президентами РФ и США (Tsygankov, 2007, p. 201).

2.4 Послание Федеральному Собранию

Российской Федерации от 18 апреля 2002 года

Данный текст, также как и предыдущие Послания Федеральному Собранию РФ, помогает в установлении диахронической перспективы отношений к Западу, выраженных В. В. Путиным, что лежит в основе нашего решения анализировать его. Текст был произнесен в качестве речи в московском Кремле 18 апреля 2002 года, и состоит из 5867 слов.

Текст был опубликован на сайте Кремля вместе с аудиозаписью и видеосъемкой выступления. Подобно всем Посланиям Федеральному Собранию, настоящий текст вероятно рассчитан на привлечение внимания не только граждан Российской Федерации, но и других интересующихся состоянием РФ зарубежных деятелей.

Исторический контекст, связанный с произведением данного текста – необыкновенный, поскольку к моменту его написания, прошло меньше года с террористического акта 11 сентября 2001 года в США. Это вынудило Президента РФ занять позицию по поводу поддержки внешней политики США и НАТО. Как мы ранее отметили, отношение к Западу, выраженное В. В. Путиным, было открытым, и он

проявлял довольно сильное желание сотрудничать в условиях относительного равенства с западными странами и НАТО.

Речь в начале текста идет о внутренних делах РФ и экономическом развитии страны, а также о том, что страна занимает *«вторую позицию в мире по объемам производства нефти и (...) первое место в мире по торговле энергоносителями»*, и что данный прогресс обусловил новое положение в мировом экономическом сообществе. За этим следует *«Все это постепенно меняет отношение к нам в мире»*, из чего можно вывести импликацию о стремлении автора стать признанным деятелем на мировом рынке, наряду с передовыми странами. Данное высказывание может служить легитимацией заявления о новой позиции: *«Наша страна постепенно превращается в солидного и предсказуемого делового партнера»*. Пресуппозиция, содержащаяся в высказывании – [следует доверять России]. Конечная цель автора – завоевание *«Россией достойного места в мировой экономической системе»*, что несет в себе значение эпистемической «правильности» - «так, как действительно должно быть».

Автор тем не менее выражает недовольство пока что достигнутым в следующем предложении: *«В последние годы экономического роста нам удалось разве что не увеличить отставание от других стран»*. Нам кажется вероятным, что автор подразумевает отставание от богатых стран, занимающих благополучное место в мировом сообществе, то есть от западных стран. Все данные высказывания автора могут, путем легитимации и принуждения, вызвать у слушателя/читателя надежду на улучшение ситуации. Здесь опять наблюдаем тему сравнения себя с другими странами и их благополучным положением.

Следует высказывание о построении отношений России с мировым сообществом: *«Да, период конфронтации закончился. Мы строим со всеми государствами мира – хочу это подчеркнуть: со всеми государствами мира – конструктивные, нормальные отношения»*. С одной стороны, можно вывести из данного заявления импликацию о желании строить позитивные отношения с западными государствами, а также импликацию о желании автора о бесконфликтности в будущем. Такое заявление может посредством принуждения вызвать у читателей/слушателей ощущение приближения к сфере западных государств, с одновременным приближением к сфере остальных стран мира.

В данном тексте, также как в предыдущих текстах, поднимается тема вступления в ВТО. Автор заявляет, что внутренние *«дискуссии настолько жаркие, что*

давно столкнувшегося с терроризмом, не стояла проблема выбора – поддержать или не поддержать усилия по уничтожению его ”логова”». Здесь мы находим пресуппозицию [Россия уже имеет большой опыт с терроризмом], а также имплицитное выражение явной поддержки решения США уничтожить ключевых деятелей террористических организаций. Данная поддержка является не только показателем желаний уничтожить международный терроризм как таковой, но также показателем желаний построить положительные отношения с США.

О таком желании свидетельствует данная выдержка:

После 11 сентября прошлого года многие, очень многие в мире поняли, что «холодная война» закончилась. Поняли, что сейчас – другие угрозы, идет другая война – война с международным терроризмом. Его опасность очевидна, она не требует новых доказательств. Хочу отметить: это в полной мере относится и к России.

Автор, поднимая в этой выдержке тему законченной «холодной войны», указывает на новую основу для сотрудничества между Россией и США. Он имплицитно сообщает, что угроза международного терроризма должна приблизить Россию к западным государствам, поскольку она у двух государств является общей проблемой. Автор позиционирует Россию наравне с другими странами, находящимися под угрозой в последнем предложении выдержки. Следует отметить, что позиционирование России также распространяется на страны СНГ: «А также с учетом интересов наших партнеров, прежде всего по СНГ». Нам кажется вполне вероятным, что автор использует сотрудничество со странами СНГ в качестве доказательства перед Западом о возможности России действовать связующим элементом между Западом и Азией. Это может увеличить возможность стать привлекательным партнером на международной арене.

Опять поднимая тему экономики, автор текста обращает внимание на отношения с Европой. Также как и в предыдущем тексте, речь идет об интеграции России с Европой:

Считаю необходимым сегодня еще раз твердо заявить о наших приоритетах на европейском направлении. Здесь очевидны и наша последовательная позиция, и многочисленные конкретные шаги по интеграции с Европой. Мы будем продолжать активную работу с Евросоюзом, направленную на формирование единого экономического пространства.

Данная часть вероятно рассчитана как на российских граждан, так и на европейских интересующихся. Наблюдаем возрастающую уверенность в налаживании отношений с европейским пространством, которая выражается фразой «формирование единого экономического пространства». В предыдущем тексте, речь исключительно

шла об интеграции с Европой, и нам кажется показательным данный контраст. Стремление к единому экономическому пространству можно рассматривать как желание приблизиться к западной экономке, о котором автор много раз упоминал в первом тексте, сравнивая Российскую экономику с экономикой ряда стран, принадлежащих к европейскому пространству.

Автор далее возвращается к теме стабильности международных отношений:

Наша важнейшая цель во внешней политике – это обеспечение стратегической стабильности в мире. Для этого мы участвуем в создании новой системы безопасности, поддерживаем постоянный диалог с Соединенными Штатами, работаем над изменением качества наших отношений с НАТО.

В данном абзаце подчеркивается стремление автора к построению положительных отношений с США. Однако, отношения с НАТО, которые обсуждались в предыдущих текстах, описываются с совершенно другой перспективы в настоящем тексте: автор в предыдущих текстах обращал внимание на свое представление о неправильном поведении альянса, в то время как он в данном тексте обращает внимание на изменение отношений, представляя ситуацию в контексте международного терроризма. Такое измененное представление о НАТО и окружающей ситуации может служить средством легитимации измененного отношения после предыдущего, довольно упрекающего, текста. Нам представляется ясным, что автор пытается показать более открытое отношение к НАТО. Мы считаем радикально измененное отношение к НАТО показателем принятия решения о попытке сотрудничать с альянсом, вероятно для интеграции с Европой (Западом) (Godzimirski, 2002, p. 20).

Обоснованием отношения такого рода может служить следующее высказывание:

В целом хотел бы отметить: Россия активно интегрируется в мировое сообщество. И несмотря на жесткую конкуренцию, о которой я уже говорил, нашей стране особенно важно уметь находить союзников и самой быть надежным союзником для других.

Слово «союзники» вероятно имплицитно подразумевает США и НАТО, так как речь о таких союзах шла в предыдущих абзацах, хотя на поверхности слово также указывает на тесное сотрудничество со странами СНГ. Пресуппозиция высказывания – [Россия уже является частью мирового сообщества. Россия способна быть надежным союзником]. Такая пресуппозиция может принудить читателя/слушателя ощутить надежду на налаживание положительных отношений между Россией и миром в целом, а также с Западом в частности.

Следует отметить, что в мае этого же года, на саммите в Риме был основан Совет Россия-НАТО, что явно показывает положительное отношение Президента РФ к Западу.

Выводы

Данный текст был произведен в несколько необыкновенном мировом контексте. Мы нашли, что контекст террористического акта в США оказал довольно сильное влияние на обстановку написания текста.

Первое, что мы считаем интересным в тексте – это заявление о занятии новой позиции в мировом экономическом сообществе, из которого можно вывести импликацию о стремлении добиться уважения среди передовых стран мира. Однако, автор также сообщает, что он до сих пор испытывает недовольство своим положением, опять поднимая тему сравнения с другими странами, вероятно западными, судя по интертекстуальному контексту.

Автор далее заявляет о попытке построить положительные отношения со всеми странами мира, что мы собственно воспринимаем как приближение к Западу и желание о бесконфликтных отношениях со всеми участниками мирового сообщества.

В данном тексте, также как и в предыдущих текстах, автор поднимает постоянно возвращающуюся тему вступления в ВТО, выражая продолжительное желание стать участником мирового экономического сообщества наравне с передовыми (западными) странами. Он также выражает открытость России к ВТО, и одновременно представляет свое мета-представление о неоткрытом отношении, которое страны-члены ВТО испытывают к России. Таким образом изображаются отношения неравенства между государствами. Слово «сильный» употребляется для описания идеального государства. Мы считаем, что западные государства являются «сильными» в представлении автора, так как они умеют пользоваться ВТО.

Другая возвращающаяся тема – это тема международного терроризма. В контексте, описанном выше, данная тема является весомой частью внешней политики РФ, а также важным показателем отношения к Западу, выражаемого В. В. Путиным. Первым делом, автор сообщает о желании позиционировать себя как участника мирового сообщества, обладающего умением стабилизировать международные отношения. Следующий шаг автора – создание общей почвы для сотрудничества с США в лице общей борьбы против международного терроризма.

Тема интеграции с Европой также поднимается, в этот раз с эксплицитным заявлением о желании автора создать единое экономическое пространство. Это можно рассматривать как желание приблизиться к западной экономической модели.

В данном тексте мы находим сильно измененное выражение отношения к НАТО. Упреки, которых было довольно много в предыдущем тексте, как будто исчезли, а вместо них, мы находим заявление о желании построить более положительные отношения с альянсом. Такое радикальное изменение позиции может вызвать сильные реакции у читателей/слушателей, поэтому автор считает нужным легитимировать свой выбор высказыванием о важности иметь надежных союзников и самим являться надежным союзником для интеграции в мировое сообщество.

2.5 Послание Федеральному Собранию

Российской Федерации от 16 мая 2003 года

Данный текст, также как и предыдущие Послания Федеральному Собранию РФ, был произнесен в качестве речи в московском Кремле. Текст состоит из 5981 слова. Он был опубликован на сайте Кремля, без аудиозаписи и видеосъемки выступления. Выступление произошло с небольшим опозданием из-за проведения военной операции в Ираке. В. В. Путин, по словам R. Sakwa (2008, p. 62), был недоволен подготовленным текстом, и поэтому требовал его переделать несколько раз, что занимало больше времени, чем ожидалось. Недовольство автора могло быть связанным с проблематичностью занять позицию по поводу военной операции. Настоящий текст вероятно произведен с учетом интереса как российских граждан, так и зарубежных деятелей.

Как уже сказано, военная операция в Ираке составляет важную часть контекста, вместе с проявленным положительным отношением к Западу в тексте 2002 года. Сотрудничество с США в данном тексте тоже играет большую роль.

Автор первым делом заявляет о цели занятия Россией места *«среди действительно сильных, экономически передовых и влиятельных государств мира»*, что, судя по интертекстуальной связи с предыдущими Посланиями, имплицитно означает западные страны. Таким образом, автор сразу обращает внимание читателя/слушателя на развитие отношения с Западом, а также позиционирует Россию с помощью пресуппозиции [Россия будет равна сильным, экономически передовым и влиятельным государствам]. Данная мысль также выражается в следующем высказывании: *«Все это должно создать достойные условия для жизни людей,*

позволит России на равных находиться в сообществе самых развитых государств».

Повтор мысли может посредством принуждения настроить слушателей/читателей более положительно к Западу, а также может имплицировать схожесть между Россией и Западом, что, мы считаем, является целью автора. Также представляют интерес слова, использованные для описания идеального положения РФ («сильный», «передовой», «влиятельный»). Данные слова относятся к качествам, которые автор имплицитно приписывает Западу.

Следующий шаг автора – экономическое позиционирование России:

Вокруг нас – страны с высокоразвитой экономикой. Надо прямо сказать: они оттесняют там, где могут, Россию с перспективных мировых рынков, а их видимые экономические преимущества дают повод для роста геополитических амбиций.

Мы воспринимаем данное высказывание как заявление о несправедливости экономического распределения. Мы также воспринимаем упреки за чрезмерные «геополитические амбиции», которые с большой вероятностью направлены на передовых (западных) членов мирового сообщества. Это касается деонтической модальности, позиционируя Россию как морально «честного» деятеля, а западных деятелей как «нечестных». Это может посредством принуждения вызвать у слушателя/читателя желание восстановить справедливость, то есть пропустить Россию на мировой рынок. Далее, автор связывает часть о геополитических амбициях с международным терроризмом:

Ядерное оружие продолжает распространяться по планете. Терроризм угрожает миру и безопасности наших граждан. Сильные, хорошо вооруженные национальные армии подчас используются не для борьбы с этим злом, а для расширения зон стратегического влияния отдельно взятых государств.

Здесь мы воспринимаем, что речь идет не только о терроризме, но также о представлении автора нецелесообразного использования вооруженных сил для собственной выгоды. Данное высказывание явно подразумевает США и их решение начать военную операцию в Ираке (Tsygankov, 2007, pp. 203-204; Hill and Gaddy, 2013, p. 304). Здесь выражается отношение к западной власти довольно ясно: автор возмущен решением и имплицитно сообщает, что не одобряет такое использование власти, чем собственно делегитимирует США и коалицию желающих. Нас интересует факт, что автор не называет США эксплицитно. Нам кажется, что причина этому – это желание сохранить положительные отношения, которые автор давно пытается построить, одновременно с желанием предупредить о своем неодобрении последних действий.

Автор перечисляет свои достижения по поводу положительных отношений: *«Прежде всего, в июне прошлого года Россия была приглашена стать полноправным членом клуба восьми наиболее развитых государств мира»*. Данное высказывание несет в себе пресуппозицию [Россия является одной из самых развитых стран мира], что собственно означает приближение к Западу. Следующее достижение, *«Хотел бы также отметить, что кредитный рейтинг страны стал самым высоким за всю историю новой России. Ряд российских компаний вошел в число крупнейших европейских и мировых»*, сообщает об экономическом приближении к Западу, в лице Европы, которое часто являлось ключевым для автора. Естественным образом также поднимается тема вступления в ВТО: *«Должен сказать, что мы серьезно продвинулись и по пути вступления во Всемирную торговую организацию»*. Во всех данных высказываниях, автор выражает желание о приближении к Западу, не только на экономическом уровне, но и на политическом. Он далее повторяет эту мысль: *«Считаю, что нашим принципиальным результатом должно стать возвращение России в ряды богатых, развитых, сильных и уважаемых государств мира»*. Высказывание несет в себе пресуппозицию [Россия имеет возможность стать богатой, развитой, сильной и уважаемой], подразумевая качества, принадлежащие к западным государствам.

Автор затем поднимает тему международной безопасности, перечисляя угрозы мирового масштаба. Далее следует интересное высказывание:

При этом представляется чрезвычайно важным, чтобы в случае обострения той или иной угрозы – для мирового сообщества в целом и для отдельной страны – все-таки действовал понятный, прозрачный и всеми признанный механизм принятия решений. Безусловно, важнейшим таким механизмом является Организация Объединенных Наций и ее Совет Безопасности.

Автор вероятно подразумевает обострение угрозы международного терроризма, о котором несколько раз и в данном, и в предыдущих текстах упоминалось. Мы считаем, что автор, хоть и не называя имен, имплицитно США, поскольку их принятие решения о начатии военной операции в Ираке не было признанным Советом Безопасности ООН (Tsygankov, 2007, p. 203). Таким образом, мы вычитываем пресуппозицию [Кто-то (имплицитно НАТО и США) не понимает и не принимает данный механизм решения (Совбез ООН)]. Далее, автор легитимирует данный механизм решения: *«Решения ООН нравятся, конечно, далеко не всегда и не всем. Но другого, а уж тем более универсального, механизма у мирового сообщества нет. Его нужно беречь»*, причем объявляя о собственной открытости к участию в процессе

Совбеза ООН, позиционируя себя среди поддерживающих ООН и уважающих авторитет организации. Мы считаем, что это – легитимация себя. Следует такое высказывание:

Считаю такие подходы [модернизация и повышение эффективности работы международных организаций] к международным делам цивилизованными и правильными. Эти подходы не направлены против кого-то или за кого-то. Это наша позиция. Позиция принципиальная. И мы будем ее придерживаться в будущем.

Здесь, нам кажется, «кто-то» опять нацелено на США, имплицитно сообщая об обязанности данных деятелей подчиниться Совбезу ООН в целях справедливости и порядочности. Однако, автор в следующей выдержке хвалит коалицию за операцию в Афганистане, в которой участвовали США, как будто смягчая уже высказанную критику:

После известных страшных трагедий, произошедших в результате терактов, в мире сложилась антитеррористическая коалиция. Сложилась при нашем активном участии, в сотрудничестве с Соединенными Штатами Америки, с другими странами и в ситуации с Афганистаном показала свою высокую дееспособность в борьбе с угрозой террора.

Это можно воспринимать не только как похвалу сделанного, а также как имплицитную попытку указать деонтически «правильный путь» для принятия решений, по которому все обязаны идти, включая США. Следующее высказывание может служить легитимацией такой точки зрения: *«Россия дорожит сформировавшимся антитеррористическим сообществом, дорожит им как инструментом координации межгосударственных усилий в борьбе с этим злом»,* причем говоря, что такое сотрудничество *«может стать хорошим примером консолидации цивилизованных государств в борьбе с общими угрозами».* «Может стать», нам кажется, указывает на пресуппозицию [сотрудничество еще не стало хорошим примером], имплицитно, что следует действовать по общему согласию, а не против его, как США решили действовать в деле с Ираком. Нам также кажется интересным употребление слова «цивилизованный», которое несет в себе пресуппозицию [существуют два типа государств: цивилизованные и нецивилизованные]. Нам кажется вероятным, что автор считает западные государства «цивилизованными» и другие «нецивилизованными». Здесь нам кажется, что автор подразумевает под словом «цивилизованный» наличие всего одной цивилизации, что, в свою очередь, подразумевает ее отсутствие в некоторых местах.

В перечисленной информации, мы находим выражение автором сильного возмущения принятыми решениями западных деятелей, что, посредством

принуждения, заставляет нас ощущать и недовольство автора (в упрекающей США части), и принятую Россией сильной позиции среди передовых стран, приближая Россию к передовым (западным) государствам. Мы также воспринимаем надежду на улучшение ситуации и продолжение коалиции в части текста о развитии сотрудничества. Смягчение упреков определенных западных государств является интересным, поскольку это показывает нежелание автора иметь конфликт со своими партнерами по сотрудничеству, иначе говоря, проявление желания сохранить положительные отношения.

Далее в тексте, мы находим интересное высказывание об интеграции с Европой: *«Важный элемент нашей внешней политики – широкое сближение и реальная интеграция в Европу»*. Само высказывание выражает точно то же желание, которое выражалось в предыдущих текстах: Россия стремится приблизиться к Западу.

Автор далее вводит новый термин – «большая Европа» – который подразумевает включение России в европейское пространство. Следует выразить желание о свободном движении в этом пространстве и, опять, о едином экономическом пространстве. Это высказывание может служить легитимацией данных перспектив:

Для достижения указанных целей придется пройти сложный, достаточно долгий путь. Но динамика общеевропейских процессов позволяет говорить об абсолютной реальности этих планов. И очень многими нашими партнерами в Евросоюзе активно поддерживается.

Здесь употребляется слово «партнеры», которое подразумевает устойчивое, длительное сотрудничество, придавая больше вероятности реализации данных планов.

Выводы

Данный текст вышел с небольшим опозданием, вероятно из-за трудностей занять позицию по поводу военной операции в Ираке, которая обсуждается в тексте, иногда эксплицитно, а иногда имплицитно.

Автор начинает текст с позиционирования себя (России) как страну, еще не достигшую, но желающую достичь, уровня передовых государств мира, под которыми подразумеваются западные государства. Автор также упоминает о несправедливости экономического распределения в мире, после чего следуют упреки некоторых государств за неуместное желание расширить зоны стратегического влияния. Одно из государств, которое автор здесь не называет эксплицитно, кажется для нас очевидным считать западным: вероятно здесь подразумевается США, учитывая контекст военной операции в Ираке. Мы считаем, что это – выражение возмущения относительно

решения США, и, следовательно, Запада. Факт, что автор не называет данного деятеля эксплицитно, приводит нас к мысли, что он желает сохранить положительные отношения, в то время как он пытается предупредить о своем недовольстве решением.

Автор далее перечисляет свои достижения за прошедший год, из которых многие доказывают желание приблизиться к Западу, и на экономическом, и на политическом уровне. Автор при этом возвращается к имплицитной теме военной операции в Ираке, опять выражая свое недовольство сложившейся ситуацией. Он имплицитно упрекает США за неподчинение Совбезу ООН, при этом показывая собственную открытость к механизму принятия решений. Он таким образом делегитимирует США, но сразу после этого смягчает высказанную критику похвалой за операцию в Афганистане. Мы считаем это попыткой показать деонтически правильный способ принятия решений, одновременно с выражением желания продолжить сотрудничество.

Употребление слова «цивилизованный» в данном тексте возможно подразумевает наличие единой цивилизации во всем мире, а также ее отсутствия в некоторых местах. Автор вероятно считает, что ее присутствие особенно сильно проявляется в западной части мира.

Автор в данном тексте возвращается к теме интеграции с Европой, что показывает его готовность стать полноценным членом европейского пространства, а также вводит новый термин «большая Европа», подразумевая Россию как часть данного пространства.

Мы считаем весьма интересным быстрое изменение выраженного отношения к США, после заявления об открытости в предыдущем тексте .

2.6 Послание Федеральному Собранию

Российской Федерации от 26 мая 2004 года

Данный текст, будучи Посланием Федеральному Собранию, был произнесен в качестве речи в московском Кремле, и состоит из 5218 слов. Он был опубликован на сайте кремля вместе с аудиозаписью и видеосъемкой выступления. Послание было написано в мае, после выборов, которые проходили в марте, где В. В. Путин второй раз стал избранным президентом Российской Федерации, что позволило ему продолжить свою деятельность еще четыре года.

К интересующему нас контексту относится факт, что в марте и начале мая 2004 года, НАТО и ЕС решили увеличить свой состав. Они приняли в качестве членов страны, находящиеся близко к российской территории, некоторые из которых являлись бывшими республиками советского союза (Hill and Gaddy, 2013, p. 305).

Первое, что мы считаем интересным в данном тексте – это следующая выдержка:

Далеко не всем в мире хочется иметь дело с самостоятельной, сильной и уверенной в себе Россией. Сейчас в глобальной конкурентной борьбе активно используются средства политического, экономического и информационного давления, укрепление же нашей государственности подчас сознательно толкуется как авторитаризм.

Автор в первом предложении обращает внимание читателя/слушателя на свое представление о позиции России в мировом сообществе, имплицитно выражая отрицательные отношения с некоторыми членами мирового сообщества. Учитывая контекст увеличения состава НАТО и ЕС, нам кажется вероятным, что автор под фразой «средства политического, экономического и информационного давления» подразумевает давление, оказанное данными деятелями, вероятно особенно НАТО, так как отношения с ЕС все еще находились в процессе построения. Далее, употребление слова «авторитаризм» может являться ссылкой на критику, поступившую от западных деятелей, обвиняющих автора в авторитаризме, что заставляет читателя/слушателя вспомнить прежние отношения с Западом с времен Советского Союза посредством стратегии принуждения (Smith, 2008, p. 8).

Автор в этой связи пользуется случаем позиционировать себя (Россию) как сильную страну, не нуждающуюся в одобрении Запада: *«Хотел бы в этой связи заявить: никакого пересмотра фундаментальных принципов нашей политики не будет»*. Одновременно можно разглядеть и самоуверенность и нежелание принимать критику от зарубежных деятелей. Использование конструкции «никакого [...] не будет» дает ощущение деонтической «невозможности», то есть автор не только не хочет подвергать фундаментальные принципы пересмотру, но и не будет этого делать.

Автор затем поднимает тему сравнения с другими странами, указывая на США, среди других, не относящихся к Западу стран, в качестве своего рода образца для статистической продолжительности жизни: *«Так, продолжительность жизни у нас на 12 лет ниже, чем в США, на 8 лет ниже, чем в Польше, на 5 лет – ниже, чем в Китае»*. Таким образом, он позиционирует себя (Россию) среди стран с

неблагополучными результатами, далеко от Западного стандарта. Это становится еще яснее в следующей цитате: *«Детская смертность хотя и сокращается, но всё равно остается в полтора-два раза выше, чем в развитых странах»*. Здесь нам кажется очевидным, что под словосочетанием «развитые страны» автор подразумевает западные страны.

Автор далее переходит к совершенно другой, но возвращающейся в текстах, теме – тема интеграции с Европой. Речь идет о соединении газовой *«сети России и страны Балтийского региона с общеевропейской газовой сетью»*, а также о связи российской дорожной сети с общеевропейской сетью. Пресуппозиция, содержащаяся в данном высказывании – это [Россия должна относиться не только к европейскому экономическому пространству, но к и физическому пространству]. Продолжая этот ход мыслей, автор обращает внимание на увеличение состава ЕС, сопровождающееся географическим сближением границ:

Такой подход [изыскивать более эффективные способы для увеличения российского экспорта] особенно важен сейчас, когда Россия и ЕС уже непосредственно граничат друг с другом. Нужно, чтобы расширение Евросоюза сближало нас не только географически, но и экономически, и духовно. Убежден, в этом залог успеха не только российского, но и всего европейского бизнеса, в этом и новые рынки, и новые инвестиции, – в целом, новые возможности для будущего Большой Европы.

Автор эксплицитно называет желание уподобиться Западу (в лице ЕС), из чего можно вычитывать возрастающую надежду на дальнейшее развитие положительных отношений. Он опять употребляет словосочетание «Большая Европа», будто бы принадлежность России к европейскому пространству – это естественная общая идея, в России и в Европе. Факт, что в предыдущем тексте, словосочетание «Большая Европа» было написано с строчной буквы «б», а в данном тексте с прописной буквы также привлекает наш интерес. Это может принудить читателя воспринять словосочетание как авторитетное название уже существующего «союза», хотя такого союза не существует.

Далее, автор переходит к теме США, в этот раз не сравнивая, а выражая возможность для дальнейшего сотрудничества с данным западным государством: *«Мы будем дальше развивать политический и экономический диалог с США и такими крупнейшими партнерами, как Китай, Индия, Япония, будем работать с другими странами»*. Представляет довольно большой интерес такое открытое отношение к США, после сильных упреков в предыдущем тексте. Данную выдержку можно рассматривать с двух сторон: с одной стороны, можно считать, что автор включает

США в ряд других, незападных стран, что может имплицировать попытку выразить равенство между западными и незападными странами под пресуппозицией [все названные страны имеют большое значение для России]. С другой стороны, можно считать, что автор исключает США из ряда названных стран (употребляя связку «и»), выделяя для США особое место значительного партнера по международным делам.

Сразу после заявления о поддержке диалога с США, тем не менее следует такое высказывание:

И адекватный ответ на наиболее острые угрозы XXI века – международный терроризм, распространение оружия массового уничтожения, региональные конфликты – можно дать лишь солидарными усилиями мирового сообщества, с опорой на инструменты ООН и международное право.

Это можно воспринимать как имплицитный упрек США за сложившуюся ситуацию в Ираке, и за неподчинение Совбезу ООН. Выражая возмущение, автор одновременно сообщает о собственной воли подчиниться международному праву и вести себя деонтически «правильно». Позже следует такое высказывание: «*Задачу укрепления антитеррористической коалиции считаю одной из важнейших*». Здесь автор имплицировать готовность работать вместе с другими, в частности западными, странами, строить с ними крепкие отношения.

Выводы

Мы нашли, что увеличение состава ЕС и НАТО имеет значение для данного текста. Автор пользуется случаем, чтобы позиционировать себя как сильного и самостоятельного деятеля в мировом сообществе.

В этом тексте опять поднимается тема сравнения себя с западными государствами, которая более часто возникала в первых текстах. Это – позиционирование себя по отношению к Западу, с импликацией о потребности в улучшении условий для жизни на домашней арене.

Также как и в предыдущих текстах, поднимается тема интеграции с Европой. Здесь выражается явное желание уподобиться Западу (в лице ЕС), и духовно, и экономически и политически, вдобавок к географическому сближению. Употребляется опять новообразованное словосочетание «Большая Европа», которое подразумевает включение России в европейское пространство. В данном тексте словосочетание употребляется как будто оно уже является закрепленным понятием, что нам сообщает об уверенности автора в том, что Россия должна принадлежать к европейскому пространству, хотя такой взгляд не соответствует географической позиции России.

Автор также поднимает тему сотрудничества с США, но называет США в ряде других, незападных стран, что может указывать либо на имплицитное равенство между разными странами в качестве партнеров, либо на особое значение США в качестве партнера. Однако, сразу после данного заявления следует имплицитный упрек США за сложившуюся ситуацию в Ираке, а также за неподчинение Совбезу ООН, что сообщает нам о возмущении автора. Между тем, автор также заявляет о своей готовности сотрудничать с западными странами, что показывает открытое отношение.

В ходе анализа данного текста, мы нашли довольно большое количество имплицитной критики, причем нашли сравнительно мало эксплицитной критики. Мы считаем, что это показывает сдержанность автора.

Можно сказать, что данный текст содержит некоторую амбивалентность, и что он является частично переходным текстом в контексте выраженного отношения к Западу.

2.7 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 25 апреля 2005 года

Данный текст был произнесен в качестве речи в московском Кремле, и состоит из 5212 слов. Он был опубликован на сайте Кремля вместе с аудиозаписью и видеосъемкой выступления.

К интересующему нас контексту относится террористический акт в Беслане, с последующей американской поддержкой «цветных» революций в Грузии и на Украине, что вызвало довольно сильную реакцию у В. В. Путина (Sakwa, 2008, p. 283). Помимо поддержки «цветных» революций, Запад критиковал В. В. Путина за то, что считали авторитаризмом, что мы отметили еще в предыдущем тексте. Такая критика с большой вероятностью в данном тексте играла довольно важную роль.

Мы считаем интересным то, как автор относится к распаду СССР почти в самом начале текста: «[...]*крушение Советского Союза было крупнейшей геополитической катастрофой века*». Это вероятно относится не только к крушению Советского Союза, а также к революциям, происходившим в бывших республиках СССР. Это становится яснее в следующей цитате: «*Эпидемия распада к тому же перекинулась на саму Россию*». Употребление слов с негативными коннотациями («катастрофа», «эпидемия») путем принуждения может вызвать у читателей/слушателей негативную реакцию на выше названные революции, и ясно выражает отрицательное отношение автора к данным событиям. Учитывая факт, что автор считал эти революции в

некоторой степени продуктом американских поддержки и идей, мы можем сказать, что данные выдержки являются имплицитными заявлениями о сильном возмущении по поводу влияния Запада.

Далее, автор переходит к теме принадлежности России к Европе и ее демократическим традициям:

Прежде всего, Россия была, есть и, конечно, будет крупнейшей европейской нацией. Выстраданные и завоеванные европейской культурой идеалы свободы, прав человека, справедливости и демократии в течение многих веков являлись для нашего общества определяющим ценностным ориентиром.

Здесь автор позиционирует себя (Россию) как часть Европы, что вероятно относится к ранее использованному словосочетанию «Большая Европа». Нам кажется интересным, что автор с уверенностью заявляет о влиянии европейской культуры на российское общество. Это вероятно является ссылкой к спору между евразийцами и западниками, который определялся в высокую степень отношением к европейской культуре. Употребление слова «ориентир» несет в себе имплицитное значение, что Россия не всегда придерживалась европейским идеалам, но интересовалась ими и находилась под их влиянием. Следует имплицитное заявление о том, что Россия на самом деле относится к европейскому пространству:

В течение трех столетий мы вместе с другими европейскими народами рука об руку, прошли через реформы Просвещения, трудности становления парламентаризма, муниципальной и судебной власти, формирование схожих правовых систем. Шаг за шагом вместе продвигались к признанию и расширению прав человека, к равному и всеобщему избирательному праву, к пониманию необходимости заботы о малоимущих и слабых, к эмансипации женщин, к другим социальным завоеваниям.

Фраза «с другими европейскими народами» несет в себе пресуппозицию [российский народ является одним из европейских народов]. Используя слова, носящие позитивные коннотации вместе с описанием совместного развития, разрисовывается положительный образ «европейской, развитой России». Из этого мы можем вычитывать стремление автора стать принятым членом европейского сообщества и показать европейским странам, что Россия эпистемически является частью Европы. Такое впечатление может усилиться использованием фразеологизма «рука об руку», который дает ощущение дружбы и связанности. Употреблением метафорического словосочетания «социальные завоевания», которое имеет свой исходный домен в сфере войны, создается ощущение совместной борьбы. Сказанное подчеркивается еще раз в следующем предложении: «*Повторю, все это мы делали вместе, в чем-то отставая, а в чем-то иногда опережая европейские стандарты.*».

Такая частотность повторения может означать сильное стремление приблизиться к Европе, которое выразалось в предыдущих текстах. Представляет интерес факт, что автор позиционирует себя (Россию) как передовую страну в развитии современного европейского общества.

Несмотря на то, что автор заявляет о близости России к (западной) Европе по развитию, он несколько позже в тексте выражает немного другую мысль:

Россия – это страна, которая выбрала для себя демократию волей собственного народа. Она сама встала на этот путь и, соблюдая все общепринятые демократические нормы, сама будет решать, каким образом – с учетом своей исторической, геополитической и иной специфики – можно обеспечить реализацию принципов свободы и демократии. Как суверенная страна Россия способна и будет самостоятельно определять для себя и сроки, и условия движения по этому пути.

В данной части текста вероятно содержится имплицитная ссылка к западной критике по поводу возрастающего авторитаризма в России, и таким образом можно считать данное заявление ответом на эту критику (Sakwa, 2008, pp. 63-64). В данной выдержке содержится имплицитное выражение чувства досады. Нам кажется, что автор воспринимает западную критику как несправедливую, а также как попытку навязывать собственный взгляд на выбор пути развития демократического общества России. В данной выдержке также следует отметить употребление слов «демократия» и «суверенный» (хотя не вместе), что вероятно породило выражение «суверенная демократия», которое впервые использовалось В. Ю. Сурковым, и создало основу для особого «типа» демократии в России.

Автор потом переходит к другой теме – тема безопасности границ и создания благоприятных условий. В этой связи он говорит: *«Мы не изобретаем никаких новшеств, а стремимся использовать все то, что было накоплено европейской цивилизацией и мировой историей»*. Здесь автор опять использует слово «цивилизация», употребление которого мы также отметили в предыдущих анализах. Слово является составляющей частью словосочетания «европейская цивилизация», которое несет в себе пресуппозицию [существуют разные цивилизации]. Противоположение, которое можно вычитывать из данного предложения, это – европейская цивилизация против других (не)цивилизированных стран/частей мира. Это сообщает нам о возможном отсутствии цивилизаций в некоторых других частях мира, тем более подтверждается наша мысль в следующем абзаце: *«Безусловно и то, что цивилизаторская миссия российской нации на евразийском континенте должна быть продолжена»*. Так как нам кажется разумным считать, что автор, говоря о

цивилизации, подразумевает (западную) Европу, и так как он использует термин «евразийский континент» в качестве противоположности, можно вычитать из данной выдержки желание поддерживать положительные отношения с этой частью Запада, и испытывает к ней уважение, а также позиционирует Россию (себя) как обязанную цивилизовать другие страны на своем континенте.

Обращая внимание на расширение НАТО и ЕС, автор говорит: *«Мы рассчитываем, что новые члены НАТО и ЕС на постсоветском пространстве на деле докажут свое уважение к правам человека включая права национальных меньшинств»*. Это можно воспринимать как имплицитное предупреждение, без названия возможных последствий. Факт, что автор вообще считает нужным назвать свои ожидания по поводу данного дела, имплицитно выражает его недоверие к новым членам НАТО и ЕС. Далее следует интересное высказывание: *«Не имеют права требовать соблюдения прав человека от других те, кто сам их не уважает, не соблюдает и не может обеспечить»*. Здесь мы находим имплицитное утверждение о собственном соблюдении и обеспечении прав человека, за невыполнение которых критиковали автора. Мы рассматриваем это как ответ на данную критику. Однако, это может вызвать из памяти слушателя/читателя мысль о критике со стороны автора несколькими годами ранее, о незаконной деятельности НАТО, например в деле Белграда 1999 года. Следовательно, двусмысленность данного высказывания сообщает о собственной деонтической «правильности» автора, и об опасениях в его отношении к НАТО.

Автор затем переходит к другой, возвращающейся теме – тема сравнения. Он сравнивает продолжительность жизни российских граждан с продолжительностью жизни граждан Западной Европы: *«Мы не можем мириться с тем, что российские женщины живут почти на десять, а мужчины – на 16 лет меньше, чем в странах Западной Европы»*. Такое сравнение позиционирует Западную Европу как высокоразвитую часть мира, и несет в себе пресуппозицию [Россия должна достигнуть уровня Западной Европы], что, в свою очередь, нам кажется выражением желания сблизиться с Западной Европой, и, следовательно, Западом.

Выводы

Данный текст был произведен в контексте меняющихся мировых условий. Мы нашли, что «цветные» революции и их американская поддержка имели значение для выраженного отношения к Западу. Также имела немалое значение западная критика, обвиняющая автора в авторитаризме.

Автор в начале текста выражает возмущение по поводу американского влияния в постсоветском пространстве, а также по поводу самих событий, к которым данное влияние привело (к «цветным» революциям).

Автор также заявляет о принадлежности России к Европе, описывая общее историческое развитие и схожесть в культурах. Автор описывает ценностную основу Европы (которая, по многим параметрам, относится ко всему Западу) как положительную, из чего можно вывести позитивное отношение к Западу.

Несмотря на позитивное отношение, выраженное в начале, мы находим выражение досады за критику, обвиняющую автора в авторитаризме.

В течение текста, автор продолжает описывать Россию как часть Европы, а также выражает мысль, что Россия – такая же цивилизованная страна, как европейские страны, и что он поставил своей задачей цивилизовать евразийский континент.

Мы считаем интересным продолжительное употребление слова «цивилизация», в этот раз в качестве составляющей части словосочетания «европейская цивилизация», которое предполагает наличие разных цивилизаций. Употребление словосочетания «цивилизаторская миссия» сообщает об отсутствии цивилизованности в некоторых частях мира, особенно на евразийском континенте, а также предполагает ее наличие в РФ. Отмечается выражение близости России к западной Европе.

Автор также заявляет о своем недоверии к НАТО, одновременно выражая свою моральную «правильность» относительно прав человека. Интерес также представляет заявление о суверенности страны, которое в свое время вероятно породило выражение «суверенная демократия».

После этого, автор опять возвращается к выражению желания сблизиться с Западной Европой.

2.8 Послание Федеральному Собранию

Российской Федерации от 10 мая 2006 года

Данный текст был произнесен в качестве речи в московском Кремле, и состоит из 6489 слов. Он был опубликован на сайте Кремля вместе с аудиозаписью и видеосъемкой выступления.

Мировой контекст, интересующий нас в связи с данным текстом, включает в себя критику, поступившую от США по поводу несоблюдения демократических норм, а также упреки за воспринятое американцами желание России использовать производство нефти и газа как средство шантажа для достижения собственных целей

на международной арене (Sakwa, 2008, pp. 283-284). Цены на природный газ повысились в 2005 году, а особенно значительно было повышение цен для Украины, (где, как мы отметили в других анализах, произошла революция с американской поддержкой), а позже и отключение энергоснабжения на Украину совсем, на чем и основывалась американская критика (Tsygankov, 2007, pp. 209-210; Hill and Gaddy, 2013, pp. 306-307). Вдобавок к этому, должен был состояться саммит Большой Восьмерки в Санкт-Петербурге немного позже, в июле, что возможно повлияло на откровенность автора в данном тексте (Sakwa, 2008, p. 64).

Почти в самом начале текста, автор цитирует бывшего президента США (Ф. Д. Рузвельт), ссылаясь на нынешнюю ситуацию России. Высказывание, которое следует после цитаты, показывает позиционирование автором России: *«Это было сказано на выходе из Великой депрессии. Многие страны сталкивались с такими же проблемами, что и мы сегодня. И многие – нашли из них достойный выход»*. Учитывая факт, что автор цитирует именно бывшего президента США, и при этом сравнивает ситуацию России с ситуацией США при Великой депрессии, мы считаем, что данное высказывание – это попытка позиционировать Россию среди стран, подобных Западу. Упоминание автором Великой депрессии вероятно является ссылкой к ситуации России после распада СССР. Желание казаться подобным Западу может быть знаком уважения к развитию таких стран, на что указывает употребление словосочетания «достойный выход».

Далее, автор переходит к возвращающейся теме – тема сотрудничества с Европой, а точнее – интеграции с Европой: *«И Россия сможет сыграть свою позитивную роль в формировании единой европейской энергетической стратегии»*. Желание восприниматься как часть европейского пространства в данном тексте выражается эксплицитно. Автор может путем принуждения произвести впечатление на читателя/слушателя, что Россия эпистемически является европейской страной, используя слова с положительными коннотациями («позитивная роль», «единый»).

Автор опять возвращается и к теме вступления в ВТО: *«Именно с этой целью [рациональное участие в международном разделении труда, вопрос получения полноценных выгод от интеграции в мировую экономику] мы продолжаем вести переговоры о присоединении к Всемирной торговой организации»*. После этого, следует интересное высказывание, устанавливающее условия для вступления: *«И переговоры о вступлении России в ВТО не должны становиться инструментом торга по вопросам, не имеющим ничего общего с деятельностью этой организации»*. Это

вероятно предупреждение для западных деятелей, особенно США, которые критиковали Россию довольно остро за показ реальной экономической власти в сфере энергоснабжения. Автор явно не желает, чтобы эта критика мешала процессу вступления, используя стратегию легитимации себя с помощью имплицатуры, что кто-то собирается использовать вступление в ВТО как инструмент торга, которая несет в себе значение деонтической «неправильности», то есть моральной неоправданности.

Автор потом поднимает тему международного права и терроризма, заявляя о своей позиции против распространения оружия массового поражения: *«Подчеркну, мы однозначно выступаем за укрепление режима нераспространения»*. Это представляет интерес для нас, так как западные деятели агитировали за применение боевой силы против Ирана, якобы по поводу ядерного оружия (Sakwa, 2008, p. 65). Следует после данной выдержки интересное высказывание: *«Без каких-либо изъятий, на основе международного права. Известно, что силовые методы редко приносят искомый результат. А их последствия – подчас становятся страшнее изначальной угрозы»*. Это – предупреждение, имплицитно рассчитанное на Запад. Такого рода предупреждение показывает отсутствие доверия автора к Западу, а также его сильное возмущение мировой ситуацией. Автор обращается к своему представлению об эпистемических последствиях применения сил в данной ситуации. Он таким образом делегитимирует западных деятелей, собственно называя их стратегию необдуманной. Мы далее находим упреки, и хотя автор не называет против кого, имплицатура довольно ясна:

При этом далеко не все в мире смогли уйти от стереотипов «блокового» мышления и предрассудков, доставшихся нам от эпохи глобальной конфронтации. Не смогли, несмотря на то, что в мире произошли кардинальные перемены. И это тоже серьезно мешает находить адекватные и солидарные ответы на общие проблемы.

Здесь нам кажется, что упрек нацелен на западных (а именно – американских) деятелей, так как абзац несет в себе историческую ссылку на «Холодную Войну», которая содержится в фразах «стереотипы ”блокового” мышления» и «эпоха глобальной конфронтации». Делегитимация также имеет место в абзаце, в предложении «не смогли, несмотря на то [...]», что содержит в себе пресуппозицию [должны были суметь]. Автор заявляет о трудностях сотрудничества с Западом на основе устаревшего мышления, в чем мы находим возмущение и отсутствие доверия относительно уже выполненных, а также будущих действий Запада на международной арене.

В следующей выдержке легитимируется выражение сомнения по поводу сотрудничества с Западом: *«И наконец, нужно четко осознавать, что ключевую ответственность за противодействие всем этим угрозам, за обеспечение глобальной стабильности – будут нести ведущие мировые державы»*. Здесь содержится имплицитное выражение неуверенности в том, что определенные западные деятели («ведущие мировые державы») не смогут обеспечить стабильности, и следовательно, Россия, находясь на деонтически «правильной» стороне, должна предупредить об этом. Данная мысль выражается в следующем предложении: *«Вот почему вопрос модернизации российской армии является сейчас крайне важным»*. Импликатура данного предложения – это [Россия должна быть в состоянии защититься от других государств], а также вероятно имеет место импликатура о роли России в качестве примера перед другими (западными) государствами. Автор таким образом позиционирует себя (Россию) среди ведущих держав мира, выражая принадлежность России к передовым странам мира, одновременно с выражением недоверия к западным деятелям.

В этом тексте, также как в предыдущих, поднимается тема сравнения России с западными государствами. В этот раз речь идет о расходах на оборону:

[...]наши расходы на оборону в процентах к ВВП сегодня являются сопоставимыми, либо чуть меньшими, чем у других ядерных держав, к примеру, у Франции или Великобритании. А в абсолютных цифрах – в конечном итоге мы же с вами понимаем, важны именно абсолютные цифры – они в два раза меньше, чем у этих стран. И уже не идут ни в какое сравнение с расходами Соединенных Штатов Америки. Их военный бюджет в – абсолютных величинах – почти в 25 раз больше, чем у России. Вот это и называется в оборонной сфере «Их дом – их крепость». И молодцы. Молодцы!

Для нас кажется интересным, что автор сравнивает расходы на оборону, и уровень ВВП одновременно, позиционируя Россию ниже уровня Великобритании и Франции. Далее, автор показывает огромные расходы США, как будто с примесью похвалы за то, что они показывают столь большой интерес к обороне собственного отечества. Однако, мы чувствуем сарказм в словах автора. Автор изменил крылатое выражение «мой дом – моя крепость», что, путем стратегии принуждения, может вызвать у читателей/слушателей воспоминания об участии США в, например, иракской войне под необоснованным предлогом. Таким образом, к слову «молодцы» прикрепляется негативная, саркастическая коннотация.

Автор далее развивает свою мысль в следующем абзаце:

Но это значит, что и мы с вами должны строить свой дом, свой собственный дом – крепким, надежным, потому что мы же видим, что в мире происходит. Но мы же это видим! Как говорить, «товарищ волк знает, кого кушать». Кушает – и никого не слушает. И слушать, судя по всему, не собирается.

Здесь автор сопоставляет Россию с США, еще раз изменив крылатую фразу для выражения недоверия к США. Пресуппозиция первого предложения – это [мы должны иметь возможность защищаться от США]. Он опять поднимает тему необоснованных действий США, имплицитно под метафорой «волк» (с исходным доменом «хищник»), США, и метафора «Кушает – и никого не слушает» подразумевает нежелание США подчиняться Совбезу ООН. Автор также выражает недоверие к будущим действиям США, имплицитно, что американцы в будущем будут нарушать международное право. Таким образом, автор выражает представление о США как о «хищнике», который способен добиваться своей цели любыми средствами, принуждая читателя/слушателя испытывать негативные эмоции относительно данного государства. Одновременно мы воспринимаем в словах автора отказ от ответственности за похолодание мирового политического климата. Употреблением слов «крепкий» и «надежный» автор выражает то, каким является США, а также описывает то, какой должна быть Россия.

Автор также выражает раздражение по поводу критики, поступившей от США, в которой поднималась тема борьбы за права человека и демократию: *«Куда только девается весь пафос необходимости борьбы за права человека и демократию, когда речь заходит о необходимости реализовать собственные интересы?»*. Мы считаем, что автор явно имплицитно нарушает права человека и демократических принципов США, в качестве ответа на критику. Нам кажется, что автор риторическим вопросом пытается вызвать у читателя/слушателя ощущение несправедливости относительно критики, тем и легитимизируя собственную позицию. В ответ на собственный риторический вопрос, автор говорит:

Здесь, оказывается, все возможно, нет никаких ограничений. Но, понимая всю остроту этой проблемы, мы не должны повторять ошибок Советского Союза, ошибок эпохи «холодной войны» – ни в политике, ни в оборонной стратегии.

Автор поднимает тему «холодной войны», вероятно с имплицитной целью показать, с одной стороны, что она закончилась, а с другой, что она до сих пор живет в сознании людей и может повториться, если обе стороны не будут вести себя аккуратно. Автор затем опять позиционирует себя: *«Естественно, возникает вопрос: можем ли мы – в условиях такого финансового диспаритета с другими ведущими державами – надежно обеспечить свою безопасность? Конечно, можем. Конечно»*. Как уже установлено, Россия находится в экономически слабой позиции по

отношению к Западу, но автор тем не менее позиционирует страну среди передовых стран по состоянию обороны, то есть он имплицитно утверждает, что Россия в этом отношении является равносильной западным государствам.

Несколько позже в тексте, автор поднимает тему внешнеполитического давления на Россию: «[Мы] Должны быть способны ответить на чьи бы то ни было попытки внешнеполитического давления на Россию, в том числе – с целью добиться укрепления своих собственных позиций за наш счет». Речь в данной части текста идет о российской армии, но тем не менее у нас появляется ощущение, что автор под словами «чьи бы то ни было» подразумевает западных деятелей, учитывая и мировой, и интертекстуальный контексты. В таком случае, мы это воспринимаем как позиционирование себя (России) на уровень ведущих (западных) стран мира, а также как имплицитное мнение о том, что западные деятели (особенно США) давят на Россию для достижения собственных целей. Такой подход относится к деонтической модальности, помещая США на аморальной стороне шкалы, а также выражает напряженность в отношении автора к США. Он на этот счет даже включает предупреждение: *«И нужно прямо сказать: чем сильнее будут наши Вооруженные Силы, тем меньше будет соблазн такое давление на нас оказывать».*

Автор затем переходит к другой, возвращающейся теме – тема сотрудничества с ЕС:

Коротко остановлюсь на взаимодействии с другими нашими партнерами. Крупнейший из них – Европейский союз. Наш постоянный диалог с ЕС создает благоприятные условия для взаимовыгодных экономических связей и расширения научных, гуманитарных, иных обменов. Совместная реализация нами концепции «общих пространств» является важным элементом всего общеевропейского развития.

Здесь автор выражает отношение надежды к ЕС. Автор создает картину, что Россия должна являться принятой частью европейского пространства, употребляя словосочетание «общеевропейское развитие». В абзаце находим слова с позитивными коннотациями («партнеры», «благоприятные», «взаимовыгодные»), которые, путем принуждения, могут вызвать у читателя/слушателя ощущение положительных и устойчивых отношений между Россией и ЕС.

В следующем абзаце поднимается тема отношений с другими государствами, среди которых автор называет США:

Особое значение – для нас, как и для всей международной системы – имеют отношения России с Соединенными Штатами Америки, с Китайской Народной

Республикой, с Индией, а также, с быстро набирающими силу странами Азиатско-Тихоокеанского региона, Латинской Америки и Африки.

Для нас интересно то, что США – первое перечисленное автором государство. Это может быть способом поставить США на особое место, возможно имплицитно, что отношения с данным государством являются более важными, чем с другими. С другой стороны, отсутствие связки «и», которую можно использовать для особого выделения, может нам сообщать о том, что США включается в ряд других стран на равной основе. Автор далее говорит, что «[...] мы готовы предпринимать все новые шаги для расширения рамок и сфер взаимодействия с этими государствами». Это означает, что, несмотря на проблемы, возникшие ранее, Россия все еще готова сотрудничать с данными государствами, и относится к ним открыто. В открытом заявлении о желании сотрудничать, и одновременных имплицитных упреках, находим двойственность отношения к США. Автор как будто хочет внешне показывать положительные отношения, одновременно с тем, что он испытывает внутреннее возмущение за то, как США ведет себя на международной арене.

Выводы

Данный текст был произведен в условиях предстоящего саммита Большой Восьмерки в Санкт-Петербурге, что вероятно повлияло на откровенность автора. Однако, мы нашли, что другие факторы также оказали влияние на данный текст: довольно острая критика от США за несоблюдение демократической нормы и злоупотребление энергоснабжением на Украину.

Автор в начале текста выражает желание быть подобным Западу посредством сравнения ситуации России с ситуацией США много лет назад. Он также имплицитно выражает принадлежность России к европейскому пространству, и опять, также как в предыдущих текстах, заявляет о своем желании вступить в ВТО. Можно сказать, что эта часть текста подразумевает положительное отношение к Западу, хотя она также содержит предупреждение для США относительно использования критики, которая может испортить возможность России на сотрудничество.

Предупреждения и упреки также имеют место позже, когда автор выражает свое недоверие к США, делегитимируя стратегию американцев. Автор затем переворачивает ситуацию, имплицитно заявляя о роли России действовать примером перед западными государствами.

Недоверие к США также имеет место в той части текста, где автор обсуждает расходы на оборону, используя метафору «волк» для описания «государства-

хищника». Автор одновременно позиционирует себя среди деонтически оправданных деятелей, сообщая, что он готов соблюдать правила и не повторять ошибок эпохи «Холодной Войны».

В течение текста можно наблюдать тенденцию к позиционированию России на одном уровне с западными государствами, несмотря на экономическую ситуацию России. Это можно воспринимать как желание быть подобным Западу.

Автор сильно заинтересован в сотрудничестве с Европой, и особенно с ЕС, что показывает двойственность отношения к разным частям Запада: он упрекает, предупреждает и критикует США имплицитно в течение почти всего текста, одновременно с эксплицитным выражением желания сотрудничать с европейскими государствами. В самом конце автор заявляет, что до сих пор интересуется партнерскими отношениями с США, что, как нам кажется, может быть рассчитано на смягчение критики перед саммитом в Санкт-Петербурге.

2.9 Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности 10 февраля 2007 года

Данный текст был произнесен в качестве речи в гостинице «Bayetischer Hof» и состоит из 3422 слов. За произнесением речи следовал ряд вопросов, заданных зрителями, которые мы считаем важной частью текста учитывая их содержание (учитывая вопросы, текст в целом состоит из 7241 слова). Поэтому мы будем рассматривать не только ту часть текста, которую составляет речь, но и некоторые из релевантных вопросов и ответы на них. Текст был опубликован на сайте кремля, вместе с видеосъемкой и аудиозаписью выступления. Так как текст был произнесен на международной конференции, можно сказать, что его содержание рассчитано как на граждан России, так и на зарубежных деятелей.

Данный текст был выбран нами для анализа, так как он имеет большое значение в развитии отношений между Россией и Западом.

Контекст, интересующий нас в связи с текстом, относится к увеличению состава НАТО, к решениям США действовать вне рамок, поставленных ООН, а также к так называемой «однополярной модели» США (Hill and Gaddy, 2013, p. 307; Judah, 2013, pp. 160-161). Следует также отметить убийство журналиста Анны Политковской, так как данная тема вызвала критику российского государства от западных стран.

Первое, что нас интересует в данном тексте – это описание проблематики международной безопасности, между другими параметрами, как *«развитие межцивилизационного диалога»*. Как в предыдущих текстах, употребляется слово «цивилизация», в этот раз в виде деривата «межцивилизационный». Данное слово несет в себе пресуппозицию [имеется наличие разных цивилизаций], а также [данные цивилизации находятся в отношении несовпадения друг с другом]. Таким образом, автор текста сразу позиционирует себя (Россию) как составляющий элемент одной цивилизации (вероятно европейской). Высказывание о «межцивилизационном диалоге» может служить средством легитимации для автора.

Автор далее ссылается к мировой истории, напоминая о времени Советского Союза и Холодной Войны:

Всего лишь два десятилетия назад мир был идеологически и экономически расколот, а его безопасность обеспечивали огромные стратегические потенциалы двух сверхдержав. [...]И, как всякая война, «война холодная» оставила нам и «неразорвавшиеся снаряды», образно выражаясь. Имею в виду идеологические стереотипы, двойные стандарты, иные шаблоны блокового мышления.

Обращаясь к исторической позиции СССР, автор имплицитно выражает способность России занимать позицию сверхдержавы, хотя она не занимает такой позиции в данный момент. Употребляя словосочетание «неразорвавшиеся снаряды», которое имеет свой исходный домен в военной сфере (взрывчатка) и несет коннотацию опасности, автор показывает свое представление о мировой ситуации как нестабильной, и таким образом может вызвать страх у читателя/слушателя за, «взрывоопасные» отношения между США и Россией. Он обращает внимание читателя/слушателя на стереотипы, которые многие (западные деятели) относят к России, делегитимируя такой ход мышления использованием слов, носящих негативные коннотации («двойной стандарт», «блоковое мышление»). Нам кажется, что автор пытается посредством принуждения создать образ расколотого мира в сознании слушателя/читателя.

Автор далее выдвигает мысль об однополярном мире, выражая беспокойство за стремление к нему. Нам кажется вероятным, что, после ссылки к Холодной Войне, автор подразумевает США (Запад) как движущую силу такой однополярности, так как вторая сверхдержава (СССР) к этому времени уже разрушена.

И это [однополярный мир] ничего общего не имеет, конечно, с демократией. Потому что демократия – это, как известно, власть большинства при учете интересов и мнений меньшинства.

Кстати говоря, Россию, нас, постоянно учат демократии. Но те, кто нас учит, сами почему-то учиться не очень хотят.

Мы находим импликацию о стремлении США (Запада) к однополярности в последних двух предложениях: западные деятели, как мы видели в предыдущих текстах, остро критиковали Россию за государственный авторитаризм («те, кто нас учит»). Пресуппозиция последнего предложения – это [Запад не хочет учиться демократии/не является демократичным]. Напоминание того, как определяется демократия можно рассматривать как напоминание о том, что автор сам знает, что это такое, и не желает, чтобы ему пытались объяснять. Автор таким образом опять легитимирует себя делегитимацией Запада. Здесь можно воспринимать выраженное автором недовольство Западом.

Далее, автор опять употребляет слово «цивилизация»: «[...]так как в ее основе [однополярной модели] нет и не может быть морально-нравственной базы современной цивилизации». Здесь наблюдаем представление автора о деонтической основе современного развитого мира (Запада) – [она должна быть демократичной]. Затем следует такое высказывание: «*Вместе с тем все, что происходит сегодня в мире, – и сейчас мы только начали дискутировать об этом – это следствие попыток внедрения именно этой концепции в мировые дела – концепции однополярного мира*». Здесь содержится явное обвинение в попытках внедрения однополярности, а также во всех конфликтах современного мира, и хотя автор эксплицитно не называет обвиняемую сторону, можно предположить, что он подразумевает западных деятелей. Для усиления данного высказывания, автор далее заявляет: «*И людей в этих конфликтах гибнет не меньше, а даже больше, чем раньше – значительно больше, значительно больше!*». Высказывание может, посредством принуждения, вызвать у читателя/слушателя ощущение деонтической «неправильности», особенно вследствие повторения слов «значительно больше» в конце высказывания. Продолжается критика Запада таким образом:

Сегодня мы наблюдаем почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное применение силы в международных делах, военной силы, силы, ввергающей мир в пучину следующих один за другим конфликтов. В результате не хватает сил на комплексное решение ни одного из них. Становится невозможным и их политическое решение.

Употребление слов «почти ничем не сдерживаемое, гипертрофированное», которые сами несут коннотации гиперболы, действуют усилительными элементами в высказывании, вместе с словами «пучина», «не хватает сил», «невозможно», которые несут коннотации отчаяния. Это все может действовать на восприятие

читателя/слушателя, развивая в нем мета-представление о хаотичном состоянии мира. В данном высказывании содержится сравнительно малое число импликатур, что для нас кажется показателем довольно сильного раздражения автора. Такое раздражение также выражается в следующей выдержке:

Мы видим все большее пренебрежение основополагающими принципами международного права. Больше того, отдельные нормы, да, по сути, чуть ли не вся система права одного государства, прежде всего, конечно, Соединенных Штатов, перешагнула свои национальные границы во всех сферах: и в экономике, и в политике, и в гуманитарной сфере – и навязывается другим государствам. Ну кому это понравится? Кому это понравится?

Автор в первом предложении имплицитно ссылается к военным действиям США, которые мы отметили и в предыдущих текстах. Сразу после данного предложения автор эксплицитно называет США как главного деятеля, совершающего поступки недопустимого характера. Нас интересует не только факт, что автор эксплицитно называет США, но что он делает это именно на международной конференции. Нам кажется, что это сильное выражение раздражения и недопущения действий. Здесь автор называет все деонтически неправильные действия сразу, и делает особенный акцент на том, что США «навязывается другим государствам». Под данным высказыванием нам кажется очевидным, что автор также подразумевает страны Ближнего Востока, и саму Россию. Автор таким образом создает представление о России (и, собственно, Ближнего Востока) как противоположность США, и, следовательно, Западу. Автор вероятно пытается риторическим вопросом в конце выдержки путем принуждения вызвать в сознании слушателя/читателя ответ «это никому не понравится», строя отрицательное отношение к Западу.

В следующей выдержке опять находим ссылку к Холодной Войне:

И это [стремление решить тот или иной вопрос, исходя из так называемой политической целесообразности, основанной на текущей политической конъюнктуре], конечно, крайне опасно. И ведет к тому, что никто уже не чувствует себя в безопасности. Я хочу это подчеркнуть: никто не чувствует себя в безопасности! Потому что никто не может спрятаться за международным правом как за каменной стеной. Такая политика является, конечно, катализатором гонки вооружений.

Высказывание «никто не чувствует себя в безопасности», еще с повторением, действует усилителем критики действий США, имплицитно, что данное государство является угрозой мировому порядку. Одновременно, нам кажется, автор считает вероятной новую Холодную Войну, за которую якобы США несет ответственность: в последнем предложении находим пресуппозицию [политика США приведет к гонке вооружений]. Далее следует такое высказывание: «Доминирование фактора силы

неизбежно подпитывает тягу ряда стран к обладанию оружием массового уничтожения». Импликатура, содержащаяся в данной выдержке – это [США ведет политику, которая приведет к возрастающему недоверию в мировом сообществе], что подчеркивает собственное недоверие автора к США, и, следовательно, к Западу.

Автор затем возвращается к часто встречаемой теме в текстах – тема сравнения. В этот раз автор сравнивает ВВП западных государств с ВВП незападных государств:

Так, суммарный ВВП Индии и Китая по паритетной покупательной способности уже больше, чем у Соединенных Штатов Америки. А рассчитанный по тому же принципу ВВП государств группы БРИК – Бразилия, Россия, Индия и Китай – превосходит совокупный ВВП Евросоюза. И, по оценкам экспертов, в обозримой исторической перспективе этот разрыв будет только возрастать.

Не стоит сомневаться, что экономический потенциал новых центров мирового роста будет неизбежно конвертироваться в политическое влияние и будет укреплять многополярность.

Здесь мы находим импликатуру о том, что автор имеет мета-представление о западном восприятии собственной деятельности и значимости: кажется, автор имплицитно пытается показать западным государствам (США, и членам Евросоюза), что они неоправданно считают себя превосходящей экономической силой в мировом сообществе. Включая Россию в понятие «новый экономический потенциал» (Россия входит в группу БРИК), автор создает картину экономически и, в будущем, политически сильной и довольно самостоятельной России, не нуждающейся в поддержке Запада. При этом мы можем вычитывать из употребления слов, словосочетаний и фраз, носящих коннотацию «уверенность» («по оценкам экспертов», «не стоит сомневаться», «неизбежно»), что автор уверенно относится к будущему развитию событий в мировом сообществе, а также к позиции, которую в нем будет занимать Россия вместе с другими незападными государствами. Представляет также интерес последнее высказывание, содержащее импликатуру, что политическое влияние новых центров мирового роста будет укреплять многополярность, которая собственно содержит пресуппозицию [многополярность есть благо для мирового сообщества]. Из этого следует, что однополярность, представленная в лице США, и, частично, в лице Евросоюза, является негативным фактором для мирового сообщества.

В следующей выдержке автор обращает внимание на страны, участвующие в военных операциях, которые он считает нелегитимными:

Сегодня же мы, наоборот, наблюдаем ситуацию, когда страны, в которых применение смертной казни запрещено даже в отношении убийц и других преступников – опасных преступников, несмотря на это, такие страны легко

идут на участие в военных операциях, которые трудно назвать легитимными. А ведь в этих конфликтах гибнут люди – сотни, тысячи мирных людей!

Здесь мы наблюдаем иронию автора, когда он отмечает, что страны, участвующие в «нелегитимных» военных операциях отказываются от применения смертной казни, в чем можно найти пресуппозицию [нелегитимные военные операции хуже применения смертной казни]. Это можно рассматривать как делегитимацию стран, участвующих в нелегитимных военных операциях. Нам кажется вероятным, что автор в данной выдержке имплицитно ссылается к западным странам, учитывая предыдущие тексты, где он довольно сильно упрекал некоторые страны, входящие в состав НАТО, а также других, за участие в операциях, не ратифицированных Совбезом ООН. Здесь просвечивается ощущение раздражения автора к Западу.

Далее, на эту же тему, автор сообщает:

Убежден: единственным механизмом принятия решений по использованию военной силы как последнего довода может быть только Устав ООН. И в этой связи я или не понял то, что было сказано совсем недавно нашим коллегой, министром обороны Италии, либо он выразился неточно. Я, во всяком случае, услышал, что легитимным применение силы может считаться только в том случае, если решение принято в НАТО или в Евросоюзе, или в ООН. Если он действительно так считает, то у нас с ним разные точки зрения. Или я ослышался. Легитимным можно считать применение силы, только если решение принято на основе и в рамках ООН. И не надо подменять Организацию Объединенных Наций ни НАТО, ни Евросоюзом.

Здесь наблюдаем, что упрек министра обороны Италии за высказывание о легитимности решений, принятых в рамках принципов НАТО и ЕС сопровождается попыткой автора отречься от ответственности за возможно ошибочное восприятие, что выражается в словах «я или не понял[...], либо он выразился неточно». Такое отречение показывает неготовность автора пойти на прямой конфликт с министром обороны Италии, но одновременно показывает стремление автора не ратифицировать Евросоюз и НАТО как имеющие права принимать решения без одобрения ООН. Данное высказывание содержит импликацию о довольно сильном недоверии к НАТО и Евросоюзу.

Далее, автор переходит к теме разоружения:

Мы договорились с Соединенными Штатами Америки о сокращении наших ядерных потенциалов на стратегических носителях до 1700–2200 ядерных боезарядов к 31 декабря 2012 года. Россия намерена строго выполнять взятые на себя обязательства. Надеемся, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно и не будут откладывать на всякий случай, на «черный день», лишнюю пару сотен ядерных боезарядов. И, если сегодня новый министр обороны Соединенных Штатов здесь нам объявит, что Соединенные Штаты не будут прятать эти лишние заряды ни на складах, ни «под подушкой», ни «под

одеялом», я предлагаю всем встать и стоя это поприветствовать. Это было бы очень важным заявлением.

Здесь представляет интерес заявление о намерении России выполнить обязательства, а также о надежде, которую Россия якобы поддерживает насчет действий США. Отмечаем иронию автора в этом высказывании, которое на поверхности выглядит как выражение дружеских отношений между странами, но может вызвать у читателя/слушателя ощущение недоверия России к США. Мы также находим импликацию о том, что имеет место причина тому, что автор считает нужным напоминать о соблюдении договора. Пресуппозиция, содержащаяся в предложении *«Надеемся, что и наши партнеры будут действовать также транспарентно и не будут откладывать на всякий случай, на «черный день», лишнюю пару сотен ядерных боезарядов»* – это [США могут не соблюдать договор]. Автор таким образом позиционирует себя (Россию) как государство, готовое к сотрудничеству с Западом, но без особого доверия. Интересно также то, что автор употребляет слово «партнеры» о политических деятелях в США при объявлении недоверия. Это может путем принуждения вызвать у читателя/слушателя ощущение открытости/откровения автора.

Автор продолжает обращать внимание на договоры между Россией (тогда СССР) и США:

В этой связи хотел бы вспомнить, что в 80-е годы СССР и Соединенные Штаты подписали Договор о ликвидации целого класса ракет средней и малой дальности, но универсального характера этому документу придано не было.

Обращая внимание на договоры, которые были заключены между Россией (тогда СССР) и США, автор легитимирует собственное требование их соблюдения, на основе пресуппозиции [следует соблюдать все договоры]. Автор тем не менее продолжает называть политических деятелей США своими «американскими партнерами», как будто показывая готовность России сотрудничать с США, из чего можно вычитывать возможную импликацию о неготовности США сотрудничать с Россией: *«Еще в середине 80-х годов [прошлого века] наши американские партнеры на практике провели перехват собственного спутника»*. Подчеркивает нашу мысль следующая выдержка: *«Милитаризация космоса, по мнению России, может спровоцировать непредсказуемые для мирового сообщества последствия – не меньшие, чем начало ядерной эры»*. Здесь содержится не только предупреждение касаясь последствий милитаризации космоса и снижения доверия между странами, но также ссылка к Холодной Войне, которую можно рассматривать как символ раскола между Россией (бывшей СССР) и США (Западом). Это можно рассматривать как

предупреждение о потере доверия России, и о грядущей новой Холодной Войне, что у читателя/слушателя путем принуждения может восприниматься как кризисные отношения.

Автор продолжает речь о вооружении, выясняя, что его тревожит не только США, но и Европа:

Нас также не могут не тревожить планы по развертыванию элементов системы противоракетной обороны в Европе. Кому нужен очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений? Глубоко сомневаюсь, что самим европейцам.

В данной выдержке находим явную ссылку к размещению вооруженных сил/противоракетной обороны в восточной Европе по инициативе НАТО и США. Здесь опять поднимается тема гонки вооружений, что может вызвать у читателя/слушателя ощущение враждебного отношения западных сил к России. Автор также легитимирует себя риторическим вопросом, на который сам отвечает за европейцев. В риторическом вопросе и ответе на него также находим делегитимацию деятелей, пытающихся проводить политику вооружений в жизнь, так как автор явно считает, что европейским жителям это «не нужно». Это можно рассматривать как имплицитную угрозу от автора: в словах «очередной виток неизбежной в этом случае гонки вооружений» мы находим пресуппозицию [если проводят в жизнь данную политику, Россия должна иметь возможность, и обязательно будет, защищать себя]. Далее, автор продолжает показывать свое отношение к размещению систем противоракетной обороны в Европе:

Ракетного оружия, реально угрожающего Европе, с дальностью действия порядка 5–8 тысяч километров, нет ни у одной из так называемых проблемных стран. И в обозримом будущем и обозримой перспективе – и не появится, и не предвидится даже. Да и гипотетический пуск, например, северокорейской ракеты по территории США через Западную Европу – это явно противоречит законам баллистики. Как говорят у нас в России, это все равно, что «правой рукой дотягиваться до левого уха».

Здесь мы воспринимаем «разоблачение автором планов» Запада на основе метапредставления автора: из перечисления фактов, противоречащих сказанному в защиту размещения, а также из употребления крылатого выражения с привкусом сарказма «правой рукой дотягиваться до левого уха» (означающего «трудное/неудобное действие») можно вычитать делегитимацию планов размещения, а также делегитимацию деятелей, ответственных за данные планы, одновременно с легитимацией себя. Автор таким образом позиционирует источник угрозы, воспринимаемый Западом, на стороне «невозможного» на эпистемической шкале, что,

в свою очередь, позиционирует автора как лица, пользующегося авторитетом в мировом сообществе, а также на более «реалистичной» стороне эпистемической шкалы.

Автор продолжает тему вооружений в Европейском пространстве, поднимая тему состояния Договора об обычных вооруженных силах в Европе:

Адаптированный Договор об обычных вооруженных силах в Европе был подписан в 1999 году. Он учитывал новую геополитическую реальность – ликвидацию Варшавского блока. С тех пор прошло семь лет, и только четыре государства ратифицировали этот документ, включая Российскую Федерацию.

Здесь мы ощущаем досаду за мало проявленный интерес учитывать интересы государств, не принадлежащих к НАТО. Данная выдержка может служить напоминанием недоверия, о котором уже было заявлено в течение данного текста.

Автор продолжает:

Страны НАТО открыто заявили, что не ратифицируют Договор, включая положения о фланговых ограничениях (о размещении на флангах определенного количества вооруженных сил) до тех пор, пока Россия не выведет свои базы из Грузии и Молдавии. Из Грузии наши войска выводятся, причем даже в ускоренном порядке. Эти проблемы мы с нашими грузинскими коллегами решили, и это всем известно. В Молдавии остается группировка в полторы тысячи военнослужащих, которые выполняют миротворческие функции и охраняют склады с боеприпасами, оставшиеся со времен СССР. И мы с господином Соланой постоянно обсуждаем этот вопрос, он знает нашу позицию. Мы готовы и дальше работать по этому направлению.

Автор еще раз в данной выдержке пытается показать свою готовность сотрудничать с НАТО, обращая внимание на собственное соблюдение Договора, хотя с задержками. Нам кажется, что такое обращение внимания на собственную деятельность может служить средством позиционирования себя (России) по отношению к странам НАТО: автор устанавливает положение России на «реалистичной» стороне эпистемической шкалы пресуппозицией [Россия в действительности исполняет свои обязанности], и одновременно на морально «правильной» стороне деонтической шкалы пресуппозицией [Россия действует в нравственно правильной манере, исполняя свои обязанности]. Данная выдержка также представляет интерес тем, что она дает нам впечатление оправдания, или защитой собственных, в реальности выполненных, действий по отношению к Договору. Мы считаем, что это несет в себе импликацию о мета-представлении автора о недоверии НАТО к России. Далее, автор обращает внимание на деятельность НАТО:

Но что же происходит в это же самое время? А в это самое время в Болгарии и Румынии появляются так называемые легкие американские передовые базы по пять тысяч штыков в каждой. Получается, что НАТО

выдвигает свои передовые силы к нашим государственным границам, а мы, строго выполняя Договор, никак не реагируем на эти действия.

В риторическом вопросе, на который автор сам отвечает, выражается явное ощущение досады, что касается размещения «легких американских передовых баз». Мы также отмечаем употребление слова «штык», которое имеет свой исходный домен в сфере «колющее оружие». Оно, путем принуждения, может вызвать у читателя/слушателя ассоциации с опасностью, что дает повод воспринимать выражение автором недовольства. Затем, ссылаясь к содержанию предыдущей выдержки, автор совершает попытку позиционировать НАТО на морально «неправильной» стороне деонтической шкалы, делегитимируя страны-члены НАТО сопоставлением их действий (с помощью частицы «а») с действиями России (строгое выполнения Договора), в чем мы наблюдаем явную импликацию о невыполнении Договора НАТО. Автор легитимирует себя утверждением о выполнении Договора.

Установив, частично имплицитно, собственное отношение к деятельности стран НАТО, автор переходит к эксплицитному выражению своего представления о ситуации:

Думаю, очевидно: процесс натовского расширения не имеет никакого отношения к модернизации самого альянса или к обеспечению безопасности в Европе. Наоборот, это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия. И у нас есть справедливое право откровенно спросить: против кого это расширение? И что стало с теми заверениями, которые давались западными партнерами после роспуска Варшавского договора? Где теперь эти заявления? О них даже никто не помнит. Но я позволю себе напомнить в этой аудитории, что было сказано. Хотел бы привести цитату из выступления Генерального секретаря НАТО господина Вернера в Брюсселе 17 мая 1990 года. Он тогда сказал: «Сам факт, что мы готовы не размещать войска НАТО за пределами территории ФРГ дает Советскому Союзу твердые гарантии безопасности». Где эти гарантии?

В данной выдержке находим яркое выражение раздражения: во-первых, в первом предложении выдержки находим импликацию о воспринятой автором искаженной информации относительно цели расширения НАТО (с помощью отрицания «не имеет никакого отношения», а также частицы «наоборот»), во-вторых, автор, заявляя, что «это серьезно провоцирующий фактор, снижающий уровень взаимного доверия», посредством принуждения, может вызвать у читателя/слушателя ощущение отсутствующего доверия автора к НАТО. Затем следует ряд риторических вопросов, в которых мы находим импликацию о недоверии к НАТО, под пресуппозициями [расширение – против России], [заверения западных партнеров утрачены], а также [нет гарантий безопасности]. Интерес также представляет

употребление словосочетания «западные партнеры», коннотации которого часто – положительны, но в данном контексте мы воспринимаем его как упрек, выражающий разочарование в отношениях. Тема партнерских отношений продолжается в следующей выдержке:

Камни и бетонные блоки Берлинской стены давно разошлись на сувениры. Но нельзя забывать, что ее падение стало возможным и благодаря историческому выбору, в том числе нашего народа – народа России, выбору в пользу демократии и свободы, открытости и искреннего партнерства со всеми членами большой европейской семьи.

Выдержка начинается с метафоры об исчезающей памяти о падении Берлинской стены, в частности означающем окончание конфликта между Варшавским блоком и НАТО. Связывая данное событие с ситуацией в моменте произнесения текста, а также добавляя слова с положительными коннотациями («падение стало возможным», «благодаря», «демократия», «свобода», «открытость», «искреннее партнерство» и «большая европейская семья»), автор создает картину России, пытающейся налаживать партнерские отношения деонтически «правильным» образом, но страдает от проявления недружественных отношений Запада. Данная мысль подчеркивается в следующей выдержке:

Сейчас же нам пытаются навязать уже новые разделительные линии и стены – пусть виртуальные, но все-таки разделяющие, разрезающие наш общий континент. Неужели вновь потребуются долгие годы и десятилетия, смена нескольких поколений политиков, чтобы «разобрать» и «демонтировать» эти новые стены?

Автор ссылается к взгляду на Россию как европейскую страну фразой «наш общий континент», одновременно выражая свое представление НАТО как разделяющий элемент. Здесь отмечаем у автора имплицитную тревогу, а также разочарование обстановкой, в риторическом вопросе, начинающийся с частицы «неужели», которая выражает не только разочарование, а также опровержение представления о ситуации для будущего. Слова, носящие коннотации «тяжелая работа» («разобрать» и «демонтировать»), содействуя с описаниями «долгие годы» и «десятилетия», могут в сознании читателя/слушателя вызвать ассоциации с нежелательными будущим и прошлым. Данными средствами автор позиционирует Россию как страну, стремящуюся строить партнерские отношения, но, сталкиваясь с расширением НАТО, не имеет такой возможности.

В разделе текста, который относится к вопросам, заданным автору, был задан вопрос насчет оценки расширения НАТО и отношения президента к демократии, на что автор ответил следующим образом:

НАТО – это не универсальная организация в отличие от Организации Объединенных Наций. Это прежде всего военно-политический блок – военно-политический! И, конечно, обеспечение собственной безопасности – это прерогатива любого суверенного государства. Мы с этим и не спорим. Пожалуйста, мы против этого не возражаем. Но почему обязательно нужно выдвигать военную инфраструктуру к нашим границам при расширении? Вот на это нам может кто-нибудь ответить?

Здесь мы находим импликацию о положительном отношении к демократической свободе государств, что может способствовать позиционированию себя как деонтически справедливого деятеля, легитимируя последующие риторические вопросы, содержащие импликацию о недоверии к НАТО. Далее, автор называет терроризм в качестве главной глобальной угрозы, имплицитно, что Россия сама не является угрозой: *«главной [угрозой] и для нас, и для США, и для Европы: что это за угроза – это терроризм и борьба с ним»*. В выдержке также содержится имплицитное мета-представление автора о том, что НАТО воспринимает Россию как угрозу, что можно вычитать с помощью пресуппозиции [выдвижение военной инфраструктуры к границам России означает, что Россию воспринимают как угрозу]. Автор тем не менее затем выражает желание сотрудничать относительно противодействия терроризму: *«А вот работать по этой проблематике мы можем эффективно, только объединяя усилия»*. Здесь можно наблюдать такую пресуппозицию: [Россия готова сотрудничать если НАТО не будет относиться к ней как к угрозе].

Затем, автор переходит к другой теме – тема ядерного вооружения. Называя в качестве примера ситуацию *«с иранской ядерной программой»*, автор сразу устанавливает связь проблематики с Западом (особенно США). Западная тематика в связи с данной проблемой продолжается в следующей выдержке:

С российским предложением [создание многонациональных центров по обогащению урана] созвучны и последние инициативы Президента Соединенных Штатов Америки Джорджа Буша. Считаю, что Россия и США объективно и в одинаковой степени заинтересованы в ужесточении режимов нераспространения оружия массового уничтожения и средств его доставки. Именно наши страны, являющиеся лидерами по ядерному и ракетному потенциалу, должны стать и лидерами в разработке новых, более жестких мер в сфере нераспространения. Россия готова к такой работе. Мы ведем консультации с нашими американскими друзьями.

Здесь автор позиционирует себя (Россию) как государство, разделяющее интересы США, употребляя слова, носящие коннотацию «равенство» («созвучны», «в одинаковой степени» и «наши страны»). Представляет интерес переход от выражения острой критики в предыдущих выдержках, к выражению желания сотрудничать в этой

выдержке. Это можно воспринимать двумя способами: либо как попытку смягчить критику с целью упрощения дальнейшего сотрудничества, либо как способ показать великодушие и умение сотрудничать в одной сфере, хотя мнения расходятся в другой. Интересным для нас также представляется то, что автор называет американских деятелей «друзьями», так как данное слово связано с положительными отношениями. Некоторые слушатели/читатели возможно воспримут это как сарказм, учитывая отсутствия такого описания отношений в прошлом, по крайней мере в последних текстах.

Продолжая эту тему, автор эксплицитно говорит: *«Мы открыты для сотрудничества»*. Выражаясь столь ясно, автор возможно пытается, посредством принуждения, вызвать в сознании читателя/слушателя ощущение открытости, после чего он называет успех России в сфере добычи нефти: *«[...]до 26 процентов добычи нефти в России приходится на иностранный капитал. Попробуйте, попробуйте привести мне пример подобного широкого присутствия российского бизнеса в ключевых отраслях экономики западных государств. Нет таких примеров! Таких примеров нет»*. Интересно то, что автор представляет успех России именно по отношению к западным государствам, что мы воспринимаем как еще один прием для позиционирования России как способную страну, подходящую для занятия важной позиции в западной экономической системе.

Автор отвечает на вопрос о действиях России относительно иранской ядерной программы, а также на высказывание о российской помощи Ирану в создании ракетной техники:

Ну, во-первых, у меня нет сведений, что Россия в 90-е годы оказывала Ирану помощь в создании их собственных ракетных технологий. Там активно очень действовали другие страны. В том числе технологии шли по разным каналам. И у нас есть свидетельства тому. Я в свое время передавал их напрямую Президенту Соединенных Штатов. И из Европы идут технологии, и из азиатских стран.

Здесь мы видим позиционирование себя как эпистемически честным («у меня нет сведений»), а также как деонтически правильным (пресуппозицией [было бы аморально это делать]). Мы также наблюдаем позиционирование «других» («там активно очень действовали другие страны»), что собственно служит легитимацией собственной позиции. Автор указывает на открытое отношение с США, но одновременно обвиняет Европу и азиатские страны в снабжении технологиями в Иран. Открытость к США подчеркивается еще раз: *«И мы по просьбе, по информации наших*

американских партнеров на это жестко отреагировали. Сразу же и жестко». Затем автор заявляет о поступлении военной техники от США:

[...]из Соединенных Штатов до сих пор поступает военная техника и специальное оборудование. До сих пор. До сих пор поступают из наличия в вооруженных силах, из Пентагона, запчастки к самолетам F-14. В Соединенных Штатах даже по этому поводу проводится, насколько мне известно, расследование. Несмотря на то, что расследование идет, с границы эти запчастки забрали, вернули назад и через некоторое время опять, по имеющимся у меня сведениям – если они не точны, проверьте их, – опять на границе задержали те же самые грузы. Даже с пометкой «вещественное доказательство».

Таким образом, наблюдаем интересное явление: обвинение США в том же, в чем обвинили автора в вопросе. Это можно рассматривать как принуждение воспринимать информацию как правильную, так как у читателя/слушателя нет возможности проверить информацию сразу, и должен принимать ее в том виде, в котором она представлена в данной ситуации («по имеющимся у меня сведениям»). Мы, в свою очередь, считаем это легитимацией себя (России), поскольку поступки США в описании автора, служат делегитимирующим фактором. Автор таким способом позиционирует себя как наиболее деонтически «правильного» деятеля из двух. Мы считаем, что такая делегитимация показывает отношение недоверия. Подчеркивая свою позицию, автор немного позже в тексте добавляет: *«Вообще мы в регион Ближнего Востока в разы поставляем вооружения меньше, чем другие страны, и в том числе Соединенные Штаты».*

Автор также поднимает тему ОБСЕ. Он вероятно недоволен тем, как некоторые деятели поступают с организацией: *«ОБСЕ пытаются превратить в вульгарный инструмент обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран в отношении других стран».* Употребляя слово с негативной коннотацией «вульгарный», автор показывает свое недовольство развитием организации в инструмент «обеспечения внешнеполитических интересов одной или группы стран», подразумевая западные страны, в сопоставлении к «другим странам», под которыми, разумеется, автор также подразумевает Россию. Он далее объясняет причину недовольства: *«Это важная задача [содействие в соблюдении международных норм в области прав человека]. Мы ее поддерживаем. Но вовсе это не означает вмешательство во внутренние дела других стран, тем более навязывания этим государствам того, как они должны жить и развиваться».* Здесь мы считаем, что автор, посредством принуждения, совершает попытку вызвать ощущение в сознании читателя/слушателя, что страны, использующие ОБСЕ в своих целях, как будто

незаконно вкрадываются на политическую территорию других государств, в том числе и России. Это показывает имплицитное недоверие к западным деятелям, которые употребляют данную организацию в нелегитимных целях. Далее следует такое высказывание:

Мы рассчитываем на то, что ОБСЕ будет руководствоваться своими непосредственными задачами и выстраивать отношения с суверенными государствами на основе уважения, доверия и транспарентности.

Сам факт, что автор называет столь естественную основу для отношений между ОБСЕ и так называемыми «суверенными государствами», подразумевает под собой недоверие с оттенками сарказма. Автор показывает свое отношение недоверия к западному использованию организации, которая, в его мета-представлении, используется в целях Запада против России.

В заключение выступления, автор подчеркивает воспринимаемое им стремление европейских государств сотрудничать с Россией: *«Мы очень часто, и я лично очень часто слышу призывы к России со стороны наших партнеров, в том числе и со стороны европейских партнеров, играть более и более активную роль в мировых делах»*. Автор создает картину положительных отношений между Европой и Россией, употребляя слово с позитивными коннотациями «партнеры». Также, отмечая призывы к участию, автор легитимирует себя и свою критику Запада, выраженную в данном тексте, позиционируя себя как активного участника (*«Вряд ли нас нужно подталкивать и стимулировать к этому»*), имеющего право занимать место среди передовых стран.

В ответ на вопрос о российской разработке стратегического оружия, автор сообщает:

Да, Соединенные Штаты не разрабатывают якобы наступательного оружия. Во всяком случае, общественности об этом неизвестно. Хотя наверняка разрабатывают. Но мы даже сейчас спрашивать об этом не будем. Мы знаем, что разработки идут. Но сделаем вид, что мы об этом не знаем: не разрабатывают. Но что мы знаем? Это то, что в Соединенных Штатах активно разрабатывается и уже внедряется система противоракетной обороны. Да, сегодня она неэффективна, и мы точно не знаем, будет ли она вообще когда-нибудь эффективной. Но теоретически она ведь для этого и создается. Значит, опять же гипотетически мы исходим из того, что когда-то наступит момент, когда возможная угроза со стороны наших ядерных сил будет полностью нейтрализована. Сегодняшних ядерных сил России. А если это так, то это означает, что баланс будет абсолютно нарушен и что у одной из сторон возникнет ощущение полной безопасности, а значит, это развязывает ей руки не только в локальных, а, возможно, уже и в глобальных конфликтах.

Здесь автор имплицитно выражает отношение недоверия к США: употреблением слова «якобы» он подразумевает неправду в заявлениях США, предложение «*Мы знаем, что разработки идут*» подразумевает искаженную информацию. Автор в данной выдержке противопоставляет Россию и США, как два не доверяющих друг другу государства. Автор показывает, что имеет мета-представление о том, как США воспринимает Россию: как угрозу, что выражается импликатурами. Он также имплицитно выражает собственное восприятие США как угрозы, с примесью пресуппозиции [мы должны иметь возможность защититься от искажающую информацию США]. Затем, как будто смягчая свое заявление, автор сообщает: «*Я не хочу никого подозревать в какой-то агрессивности. Но система отношений – это так же, как математика. Она не имеет личного измерения*». Таким образом, автор как будто совершает попытку отречься от отношения недоверия, хотя он имплицитно выражает справедливость недоверия, легитимируя себя последующим заявлением:

Но это никак не направлено против самих Соединенных Штатов.

Я полностью согласен, если Вы говорите, что система ПРО не направлена против нас, то и наше новое оружие не направлено против вас. И я полностью здесь согласен с моим коллегой и другом – я, знаете, не побоюсь этого слова, при всех разногласиях я считаю Президента Соединенных Штатов своим другом.

Здесь мы находим пресуппозицию [если США может исказить информацию, то мы тоже можем это делать, так как это – справедливо]. Далее, называя президента США своим «другом» (слово, носящее позитивные коннотации), кажется, что автор, стремится поддерживать положительные отношения с США, но одновременно позиционировать себя как элемент власти среди передовых стран. Отрекаясь от изначально выраженного недоверия, и подчеркивая свою позицию в мировом сообществе, автор далее говорит:

Ну так вот, мы когда с ним [Президентом Соединенных Штатов] говорим, он говорит: «Я исхожу из того, что Россия и США никогда уже не будут противниками и врагами». Я с ним согласен. Но повторяю еще раз: вот эта симметрия и асимметрия – здесь нет ничего личного. Это просто расчет.

Автор таким образом обращается к логике. Такой прием, посредством принуждения, может вызвать в сознании слушателя/читателя ощущение откровенности при сложных отношениях.

Выводы

Данный текст был произведен для выступления на международной конференции, на которой обсуждались вопросы политики безопасности, и мы нашли, что отношения с НАТО играли важную роль при подготовке к выступлению. Мы

также нашли, что критика, поступившая из США, и, собственно деятельность и позиция США в мировом сообществе, играли довольно большую роль для автора.

Первое, что мы отметили как интересным – это тема цивилизации, которая поднималась довольно регулярно в подобранных текстах. Мы нашли, что автор, употребляя словосочетание «межцивилизационный диалог», относит Россию к одной из нескольких «цивилизаций», вероятно как противоположение западным государствам, устанавливая равноценность между Россией и Западом, а также различия между ними.

В ходе текста, автор часто обращается к позиционированию себя, либо на равной почве с западной «цивилизацией», либо как более морально правильным членом мирового сообщества, чем западные государства, выражая свою принадлежность к другому типу «цивилизации». Такое употребление слова «цивилизация» может вызвать в сознании читателя/слушателя воспоминания из предыдущих текстов, где также поднимается эта тема. Автор агитирует за многополярность мирового порядка, как будто обвиняя Запад в создании однополярного распределения политической власти в мире.

Автор остро критикует США за международные военные поступки вне рамок Совбеза ООН, а также за то, что они «навязываются» другим государствам, создавая не только однополярность, но также дестабилизированную атмосферу мировой безопасности. Также как в предыдущих текстах, автор подчеркивает роль ООН при принятии решений о применении военной силы. В тексте мы нашли несколько ссылок к Холодной Войне, которые мы воспринимаем не только как попытку показать то, как мир развивается к лучшему, но также то, как мир возвращается к конфликтам прошлого.

В тексте поднимается тема расширения НАТО. Автор показывает свое недовольство по данному поводу, выражая недоверие к НАТО, сообщая об отсутствии логики в высказываниях о том, что противоракетные системы построены для защиты от ракет из стран Ближнего Востока. Здесь мы наблюдаем представление автора о Западе как об угрозе России. Автор, отчасти имплицитно, в тексте выражает, что НАТО является разделяющим, провоцирующим элементом, снижающим *«взаимное доверие»*. Несмотря на выраженное негативное отношение к НАТО, автор считает Россию частью Европы, говоря об «общем континенте».

Автор критикует употребление Западом ОБСЕ, которое он считает несправедливым, тогда как организация употребляется как инструмент для

навязывания интересов группы стран (вероятно – западных) другим странам (имплицитно – России).

В тексте поднимается мета-представление автора о том, что Россия воспринимается как угроза западным государствам. Мы наблюдаем попытку автора опровержения такого взгляда, выражая интерес к противостоянию «настоящей» угрозы: терроризму.

Мы в течение всего текста наблюдаем напряженное отношение к Западу, в то время как автор время от времени, как нам кажется, пытается смягчить критику и сохранить дружеские отношения в некоторых сферах.

2.10 Послание Федеральному Собранию Российской Федерации от 26 апреля 2007 года

Данный текст был произнесен в качестве речи в московском кремле, и состоит из 8063 слов. Он был опубликован на сайте кремля вместе с видеосъемкой и аудиозаписью выступления. Этот текст – последний в ряду Посланий Федеральному Собранию РФ второго президентского срока В. В. Путина.

Предыдущий текст служит частью интересующего нас мирового и интертекстуального контекста, поскольку автор в нем впервые столь ярко выразил свое недовольство действиями некоторых западных государств. Автор расстроился еще сильнее отсутствием стремления среди членов мирового сообщества воспринимать Россию как «обычную» страну, а также тем, что растущее благосостояние России вызывало негативные реакции (Sakwa, 2008, p. 67).

Первая выдержка относится к этому, что нам показалась интересным:

Прямо скажу: не всем нравится стабильное поступательное развитие нашей страны. Есть и те, кто, ловко используя псевдодемократическую фразеологию, хотел бы вернуть недавнее прошлое: одни – для того чтобы, как раньше, безнаказанно разворовывать общенациональные богатства, грабить людей и государство, другие – чтобы лишить нашу страну экономической и политической самостоятельности.

Здесь находим интересную импликацию: из фразы «не всем нравится» мы вычитываем, что автор подразумевает западные члены мирового сообщества, так как именно из Запада поступала острая критика российского общества. Не забывая о предыдущих высказываниях автора о том, что США пытается «научить» Россию демократии, вычитываем из словосочетания «псевдодемократическая фразеология» импликацию о негативном отношении к деятельности США. Префикс «псевдо» несет

в себе негативные коннотации, и, сочетаясь с другими словами, также носящими негативные коннотации («разворовывать», «грабить», «лишить самостоятельности»), путем принуждения может создать у читателя/слушателя негативную картину Запада. Автор продолжает:

Растет и поток денег из-за рубежа, используемых для прямого вмешательства в наши внутренние дела. Если посмотреть, что происходило в прежние, давние времена, то увидим, что еще даже в эпоху колониализма говорили о так называемой цивилизаторской роли государств-колонизаторов. Сегодня на вооружение берутся демократизаторские лозунги. Но цель одна – получение односторонних преимуществ и собственной выгоды, обеспечение собственных интересов.

Мы наблюдаем продолжение имплицитной ссылки к Западу в течение выдержки: «вмешательство в наши внутренние дела» в сочетании с «эпоха колониализма» и «демократизаторский» - это всё явления, которые можно связывать с деятельностью западных государств. Отсюда мы вычитываем пресуппозицию [Запад до сих пор действует как колонизатор, не имея на это права]. В фразе «так называемая цивилизаторская роль» мы находим импликацию о некорректности «цивилизаторской миссии», которую якобы исполняет США. Мы считаем, что автор разделяет цивилизации на разные типы, и выдвигает идею о противоположности российской цивилизации к американской. Употребление слова «вооружение» посредством принуждения создает в сознании читателя/слушателя образ войны, а именно войны между Россией и Западом. В последнем предложении мы наблюдаем ссылку к представлению автора об однополярном миропорядке, в котором Запад (США) выступает лидером.

Автор немного позже поднимает другую тему - тема принадлежности России к Европе. Также как и ранее, автор считает, что Россия имеет свое место в европейской культуре: *«В то же время культурная и духовная самобытность еще никому не мешали строить открытую миру страну. Россия сама внесла огромный вклад в становление общеевропейской и мировой культуры»*. Автор выражает желание создать открытую миру страну, имплицитно прицеливаясь на Европу. Это представляет интертекстуальный интерес, поскольку это продолжение данной темы из предыдущих текстов.

Автор также называет довольно тесные отношения с президентом США:

В перспективе речь могла бы идти о создании мировой библиотеки на основе цифровых технологий, которая послужила бы базой для крупного международного гуманитарного проекта, направленного на сохранение культуры и истории народов мира. Эту тему мы совсем недавно обсуждали по телефону

с Президентом Соединенных Штатов Америки Джорджем Бушем и были едины в том, что такой проект заслуживает политической поддержки на самом высоком уровне.

Факт, что автор считает нужным эксплицитно сообщить о телефонном разговоре, показывает имплицитное стремление создать впечатление о положительных отношениях между двумя президентами, из чего мы вычитываем пресуппозицию [президенты дружат, поэтому государства дружат]. Таким образом, мы видим двойственность в отношении к США: с одной стороны, автор выражает негативное отношение к действиям США и Запада, а с другой – стремится сотрудничать с ними в других сферах.

Несколько позже в тексте поднимается тема вооружений в России и на Западе:

Как вы знаете, в 1990 году государства Варшавского договора и НАТО подписали Договор об обычных вооруженных силах в Европе. Если бы продолжал существовать Варшавский договор, был бы понятен смысл этого документа. Сегодня же это означает лишь то, что на территории собственной страны мы ограничены в вопросах дислокации Вооруженных Сил общего назначения. С трудом, с трудом можно себе представить, чтобы, например, Соединенные Штаты Америки ограничивали на таком основании передвижение войск на собственной территории. Вместе с тем Россия не только подписала, ратифицировала, но и на практике выполняет все положения этого договора, или, сокращенно, ДОВСЕ.

Во втором предложении наблюдаем пресуппозицию [непонятен смысл данного документа]. Далее, автор совершает сравнение ситуации России с ситуацией США, из чего мы выводим импликацию об ощущении большего уважения к США среди передовых членов мирового сообщества, чем к России, что подчеркивает употребление безличного предложения. Автор позиционирует себя (Россию) и как деонтически «правильным», и как эпистемически «правдивым», утверждая о ратификации и своем выполнении договора. Затем следуют утверждения о собственном выполнении договора, после чего автор заявляет:

А что же они, что же наши партнеры? Они даже не ратифицировали адаптированный договор, ссылаясь при этом на Стамбульские договоренности, предусматривающие вывод российских подразделений из Грузии и Приднестровья.

Риторическим вопросом, на который автор сам отвечает, выражается разочарование в происшедшем. Эффект выражения такого рода разочарования может быть усилен использованием слова «партнеры», которое несет положительные коннотации, вызывая у читателя/слушателя возможное ощущение предательства со стороны западных деятелей, что подчеркивается употреблением оборота «даже не», носящий отрицательные коннотации. О Стамбульских договоренностях автор сообщает: «[...]самое главное, Договор об обычных вооруженных силах в Европе

юридически вообще никак не связан со Стамбульскими договоренностями», что посредством принуждения может заставить читателя/слушателя воспринимать западные аргументы как несерьезные. В следующей выдержке мы находим подчеркивание данного ощущения:

Это дает нам полное основание утверждать, что наши партнеры в данном случае ведут себя как минимум некорректно, добиваясь односторонних преимуществ. Не ратифицируя под надуманными предложениями ДОВСЕ, они используют сложившуюся ситуацию для наращивания возле наших границ системы военных баз. Более того, они еще и планируют разместить элементы противоракетной обороны в Чехии и Польше. А такие новые страны НАТО, как Словения и государства Прибалтики, например, несмотря на предварительные договоренности с альянсом, вообще не присоединились к ДОВСЕ, что создает для нас реальные опасности с непредсказуемыми сюрпризами.

В первом предложении мы можем найти пресуппозицию [мы ведем себя правильно в данном деле, и ожидаем такого же поведения от партнеров]. Слово «партнеры» опять употребляется, давая читателю/слушателю основу воспринимать отношения между Россией и Западом как положительные, однако возникает некоторое несоответствие при употреблении данного слова среди упреков. Таким образом, мы считаем, что автор выражает ощущение предательства. В остальной части выдержки мы замечаем выражение автором недоверия: употребление таких оборотов, как «надуманные предлоги», «более того», «несмотря на», «вообще не», «непредсказуемые сюрпризы», которые несут негативные коннотации, показывает импликацию о недоверии. Это может, посредством принуждения, вызвать у читателя/слушателя образ неуважения Запада к России. Данный образ становится более ощутимым в следующей выдержке:

В этой связи считаю целесообразным объявить мораторий на исполнение Россией этого Договора. Во всяком случае, до тех пор, пока все страны НАТО без исключения не ратифицируют его и так, как это сегодня делает фактически в одностороннем порядке Россия, не начнут его строго исполнять. Пора наконец и нашим партнерам не на словах, а на деле внести свой вклад в сокращение вооружений. Они ведь только увеличивают их. Но пора наконец внести свой вклад в сокращение вооружений хотя бы в Европе.

Здесь наблюдаем позиционирование автором себя (России) как деонтически «правильно» действующего участника договора, в то время как страны НАТО находятся в позиции «неправильных» деятелей. Автор в данной выдержке выражает досаду в связи с несоблюдением договора, указывая на несправедливость в одностороннем исполнении. Объявление моратория, является серьезным знаком недовольства, а также содержит пресуппозицию [следует учитывать Россию как важный член мирового сообщества, но Запад не воспринимает нас (Россию) серьезно],

что мы воспринимаем как момент, создающий промежуток между Россией и Западом. Несмотря на такой промежуток, автор продолжает называть страны-члены НАТО «нашими партнерами», что можно воспринимать либо как способ уменьшения промежутка, либо как чистую формальность. Автор продолжает: *«Предлагаю обсудить эту проблему в Совете Россия–НАТО и в случае отсутствия прогресса в переговорах рассмотреть возможность прекращения наших обязательств по ДОВСЕ»*. Под предложением обсудить проблему в Совете Россия-НАТО мы находим импликацию о возможном решении проблемы. Из этого мы вычитываем надежду на продолжение сотрудничества. Однако, мы находим импликацию об отсутствии такой надежды в последней части предложения, где автор считает необходимым сообщить о своем предостережении.

Поднимается далее тема стратегического оружия на европейском пространстве:

И второе. Обращаю внимание на то, что впервые в Европе могут появиться элементы американского стратегического оружия. Очевидно, что такие планы Соединенных Штатов по размещению системы противоракетной обороны в Европе не являются проблемой исключительно российско-американских отношений.

В последнем предложении мы находим пресуппозицию [имеют место проблемы российско-американских отношений]. Называя проблемой возможное присутствие американского стратегического оружия, автор показывает недовольство будущими действиями США, а также выражает импликацию о проблематичности таких действий по отношению к европейским странам. Данную импликацию мы воспринимаем как попытку забить клин между США и Европой. Учитывая амбивалентность предыдущих текстов, мы считаем, что здесь уже выражается не амбивалентность, а явное различие в отношениях к Европе и к США. Автор таким образом позиционирует себя (Россию) как одну из стран, испытывающих проблемы с присутствием США, делегитимируя планы о размещении стратегического оружия. Автор продолжает:

Это в той или иной мере затрагивает интересы всех европейских государств, в том числе не входящих в НАТО. В этой связи вопрос заслуживает, я бы даже сказал требует, обсуждения в ОБСЕ в рамках военно-политического измерения этой организации.

В первом предложении выдержки нам кажется, что автор выражает принадлежность, или, по крайней мере близость, России к Европе: мы вычитываем импликацию об общих интересах России со всеми странами Европы. Далее, мы находим еще одну импликацию в требовании обсуждения данного вопроса в ОБСЕ, о

проблематичности планов США, а также о значимости данной проблемы. Тема Европы продолжается:

Пора наполнить деятельность ОБСЕ реальным содержанием, повернуть организацию лицом к проблемам, действительно волнующим народы Европы, а не искать только «блех» на постсоветском пространстве.

Здесь мы видим пресуппозицию [деятельность ОБСЕ наполнено неважным содержанием], совместно с импликацией о том, что Россия не является проблемой для Европы. Предложение «не искать только "блех" на постсоветском пространстве» указывает на представление автора о том, что ОБСЕ не обращает нужного внимания на действительные проблемы на Западе, а лишь занимается мелкими проблемами на постсоветском пространстве. В выдержке мы также находим импликацию, что проблема заключается в деятельности и планах США. Из этого мы выводим делегитимацию США и деятельности ОБСЕ, с одновременной легитимацией себя (России).

Далее, автор показывает положительное отношение к ЕС:

Отмечу также, что все более конструктивным становится наше партнерство с Евросоюзом. Полагаем, что весь позитив наших отношений следует закрепить и развивать в новом базовом договоре о стратегическом партнерстве Россия–ЕС.

Словами «конструктивный», «позитив», «новый», носящие положительные коннотации, автор, посредством принуждения, может вызвать у слушателей/читателей позитивный взгляд на сотрудничество с ЕС. Автор показывает оптимистичный настрой к ЕС.

Выводы

Мы нашли, что предыдущий текст имел большое значение для автора в настоящем тексте, поскольку в данный текст автор переносит множество тем, которые поднимались в Мюнхене. Мы считаем, что это – показатель действительного, продолжительного изменения в отношениях к Западу.

Автор сразу имплицитно показывает напряженность отношений, которые он испытывает к США и ее действиям, относительно попытки «научить» Россию демократии. Он также выражает имплицитную мысль о продолжении колонизаторской деятельности западных государств. В данном тексте противопоставление «однополярность - многополярность» мирового порядка имеет довольно большое значение, из чего мы выводим противопоставление «Россия – Запад (в лице США)».

Тема принадлежности России к Европе не истрачена и в этом тексте, в продолжение с предыдущих текстов: нам кажется, что автор имеет представление о месте России в становлении европейской культуры.

Несмотря на имплицитные упреки США, автор указывает на дружеские отношения с Президентом страны, что может означать дружеские отношения с государством. В этом содержится двойственность выраженных отношений к Западу. Автор далее заявляет о западном невыполнении договоров, легитимируя собственную позицию. Он выражает недоверие к Западу, вследствие чего у читателя/слушателя может возникнуть ощущение предательства со стороны Запада.

В тексте мы находим критику НАТО за несоблюдение ДОВСЕ, а также заявление об объявлении моратория на исполнение Россией этого Договора. Здесь, на наш взгляд, автор выражает досаду за поведение НАТО.

Нам кажется, что тема размещения американского стратегического оружия в Европе раздражает автора. Он выражает сильное раздражение относительно планов США, заявляя о своем волнении не только за Россию, а за все европейские страны. Мы считаем, что автор таким образом, относясь положительно к Европе, вероятно совершает попытку забить клин между Европой и США.

Автор также не пропускает тему интеграции с Европой, открыто заявляя о положительных отношениях к ЕС.

Употребление деривата слова «цивилизация» - «цивилизаторский» в данном тексте указывает на представлении автора о противоположности российской и американской цивилизаций.

2.11 Выводы к главе 3

Исследование в настоящей работе основано на анализе политического дискурса, который направлен на выявление как имплицитных, так и эксплицитных языковых приемов. Данный анализ включает в себя элементы критического дискурс-анализа, но была сделана попытка сохранить объективность при проведении анализа каждого отдельного текста, не критикуя ни автора, ни содержание текстов.

В ходе анализа текстов, мы употребляли категории и стратегии, которые были описаны в предыдущей главе в качестве инструментов для выявления таких фактов, как выраженные желания, значение употребляемых слов и выражений, а также другие составляющие, входящие в языковое выражение отношений на разных уровнях.

Таким образом, следует в качестве выводов к данной главе показать последовательное развитие отношений к Западу, выраженных В. В. Путиным:

1. В тексте от 1999 г. нами была отмечена попытка автора отождествлять РФ с западными государствами, указывая на общие

между ними явления, но в то же время постоянно указывая на более благополучное положение западных стран, употребляя слова «высокоразвитые», «передовые», «золотой миллиард» для их описания. Автор показывает стремление уподобиться Западу на экономическом уровне, но не на политическом уровне. Автор также отмечает, что РФ подвергается дискриминации на мировом рынке, что дает нам подсказку о воспринимаемом автором враждебного отношении других стран к РФ, решением чему он считает вступление РФ в ВТО, чтобы *«подняться на вершины мировой цивилизации»*, т.е. подняться на уровень западных государств. Представляет интерес употребление фразы «вершины мировой цивилизации», поскольку предполагается наличие единой цивилизации, которая имеет ступенчатое распределение (также предполагается наличие «низов мировой цивилизации»). В течение текста нами отмечено стремление к сотрудничеству с Западом, т.е. открытое отношение надежды.

2. В тексте от 2000 г. поднимается тема собственной вины за экономически неблагополучное положение РФ, в противоположность мнению о том, что Запад несет вину за разрушение СССР. Идеальное государство описывается словами «сильный» и «крепкий», которыми также описывается западная часть мирового сообщества, из чего мы вычитываем желание автора уподобиться Западу. В тексте выражается небольшое возмущение по поводу нежелания Запада найти общий язык с РФ, а также за критику по отношению к действиям РФ в Чечне.

В этом тексте также употребляется слово «цивилизация», но здесь более затруднительно решить что автор имеет в виду: либо то, что в российской нации имеется своя цивилизация (также как имеется своя цивилизация в разных частях мира, религиях и т.д.), либо то, что следует сохраниться как нация, чтобы быть частью единой мировой цивилизации.

В течение всего текста, несмотря на выраженное возмущение, автор выражает желание «подружиться» с Западом, т.е. имеет к Западу открытое отношение надежды.

3. В тексте 2001 г. нами отмечено продолжение сравнения РФ с западными государствами, в котором опять поднимается тема экономически неблагоприятного положения РФ. По отношению к данной ситуации опять предлагается вступление в ВТО в качестве возможности способствовать РФ действовать на одном уровне с западными государствами. Автор также выражает желание избегать внешнего (западного) контроля тем, что отказывается подписывать соглашение с МВФ. Опять отмечается нежелание изменить ценностную основу РФ, одновременно с желанием сотрудничать с Западом на экономическом уровне.

Автор выражает возмущение по отношению к НАТО, направляя упреки в сторону альянса. Однако, автор также выражает желание интегрироваться в Европу. Это показывает открытое отношение к Западу, с примесью опасений относительно НАТО.

4. В тексте 2002 г. мы отмечаем продолжение сравнения РФ с западными государствами, но в этот раз автор также отмечает, что РФ занимает новую позицию в мировом сообществе. Автор тем не менее выражает недовольство новой позицией. Он также выражает желание приблизиться к Западу, и стремление к бесконфликтности в отношениях с Западом и с другими участниками мирового сообщества. Автор еще раз выражает желание вступить в ВТО, но также показывает мета-представление о неоткрытом отношении стран-членов ВТО к РФ.

Поднимается тема международного терроризма как общая почва для сотрудничества РФ с США. Автор также выражает желание создать единое экономическое пространство с Европой, что, собственно приводит нас обратно к желанию, выраженному ранее, об интеграции в Европу.

В данном тексте упреков, направленных в сторону НАТО, как будто и не происходило в предыдущем тексте. Теперь, наоборот, выражается стремление построить более положительные отношения с альянсом.

Употребление слова «сильный» опять имеет значение, так как автор имплицитно называет западные государства сильными,

одновременно имплицитно выражая собственное желание быть сильным.

Отношение, выраженное относительно Запада в данном тексте – открытое отношение надежды.

5. В тексте 2003 г. мы отмечаем, что автор выражает желание достичь уровня западных государств. Он имплицитно упрекает США за ее деятельность в Ираке, и за неподчинение Совбезу ООН, что показывает желание предупредить о недовольстве, одновременно с желанием сохранить положительные отношения. Автор выражает желание приблизиться к Западу и экономически, и политически.

Впервые вводится термин «большая Европа», из чего мы вычитываем желание стать полноценным членом европейского пространства.

Употребление слова «цивилизованный» в данном тексте вероятно подразумевает относительно присутствие или отсутствие цивилизации в разных местах. Там, где она присутствует, она – едина.

Отношение, выраженное относительно Запада, довольно быстро изменилось с предыдущего текста. Автор опять упрекает западных деятелей, но одновременно относится к ним по большей части открыто и с надеждой на сотрудничество.

6. В тексте 2004 г. внимание обращается на увеличение состава ЕС и НАТО. Автор считает такое увеличение возможностью выразить желание уподобиться Европе и духовно, и экономически, и политически. Употребляется термин «Большая Европа» с прописной буквы. Автор также сравнивает РФ с западными странами, показывая потребность в улучшении собственной ситуации.

Выражается возмущение за неподчинение США Совбезу ООН, но также готовность далее сотрудничать с Западом.

Данный текст можно считать частично переходным, так как в нем, с одной стороны, содержится большое количество имплицитной критики, а с другой, как будто амбивалентное молчание.

7. В тексте 2005 г. находим возмущение за западные обвинения в авторитаризме в России. Мы также находим возмущение за американское влияние в постсоветском пространстве, которое помогало привести к «цветным» революциям.

Отмечается позитивное отношение к Европе, где можно найти положительные ценности. Словосочетание «европейская цивилизация» показывает наличие цивилизованности в Европе, а также предполагает наличие других, отличающихся цивилизаций в других частях мира. В данном тексте также упоминается «цивилизаторская миссия России на евразийском континенте», что означает наличие цивилизации в РФ, а также сообщает о ее отсутствии на других частях континента. Таким образом автор сближает РФ с Европой.

В этом тексте выражается возрастающее недоверие к НАТО, но одновременно желание интегрировать РФ с Европой.

8. В тексте 2006 г. мы отмечаем имплицитное выражение принадлежности РФ к европейскому пространству. Опять поднимается тема вступления в ВТО. Автор в первой части текста, как будто положительно относится к Западу, но затем следуют упреки США. Делегитимация США возможно является выражением недоверия к ним. РФ как будто должна выступать примером поведения для Запада, в то время как США обозначается метафорой «волк», означающей «хищник».

Автор тем не менее выражает стремление сотрудничать с ЕС, что показывает двойственность отношений с Западом: автор выступает против США и НАТО, но за сотрудничество с ЕС.

Критика, выражаемая автором в данном тексте, как будто смягчается перед предстоящим саммитом Большой Восьмерки в Санкт-Петербурге, когда автор заявляет о желании далее сотрудничать с США.

9. В первом тексте 2007 г. мы отмечаем использование словосочетания «межцивилизационный диалог», что дает подсказку о принадлежности разных государств к разным цивилизациям. В

данном тексте цивилизации можно считать разными по признаку противоположности: РФ поддерживает многополярность распределения политической власти в мире, а США, наоборот, поддерживает однополярность. Автор преподносит острую критику США за военные поступки вне рамок Совбеза ООН, а также за навязывание своего взгляда другим государствам, дестабилизируя атмосферу мировой безопасности.

В данном тексте он также выражает недоверие к НАТО, обозначая альянс как разделяющий, провоцирующий элемент. Тем не менее, автор все еще считает принадлежность РФ к европейскому пространству действительной.

Автор показывает свое мета-представление о том, что Запад воспринимает РФ как угрозу.

В течение текста отмечается напряженное отношение к Западу.

10. Во втором тексте 2007 г. мы отмечаем выражение напряженных отношений к Западу. Поддерживается восприятие однополярного миропорядка, и, соответственно, противоположности «РФ - США». Отмечается некоторая двойственность в отношениях, так как автор указывает на положительные отношения с Президентом США, но в то же время упрекает США и НАТО.

Выражается недоверие и досада по отношению к Западу в течение всего текста, за исключением ЕС. Автор весьма оптимистично настроен к сотрудничеству с союзом, и нам даже кажется, что он пытается забить клин между Европой и США.

Интерес также представляет употребление деривата слова «цивилизация» - «цивилизаторский», из которого можно вывести противоположность российской и американской цивилизаций.

Итак, мы наблюдаем постепенное развитие отношений к Западу, выраженных В. В. Путиным в течение периода 1999-2007 гг.: начиная с открытых отношений надежды в начале первого срока президентства (1999-2002), с примесью некоторых опасений в 2001 г., а в 2003 г. мы отмечаем довольно резкое изменение отношений, но они тем не менее довольно открыты, несмотря на упреки. Текст 2004 г. мы отметили как частично переходный, учитывая количество содержащейся в нем имплицитной

критики, а также учитывая выраженное возмущение. В тексте 2005 г. находим выражение возрастающих обиды и недоверия, но отношение не без открытости к сотрудничеству. Текст 2006 г. показывает еще более возрастающие раздражение и недоверие к США и НАТО, но открытость к сотрудничеству с ЕС, что показывает некоторую двойственность в отношениях к Западу в целом. Первый текст 2007 г. показывает явно напряженное и возмущенное отношение к Западу, хотя здесь также отмечается желание автора сблизиться с Европой. Второй текст 2007 г. показывает продолжение таких же отношений.

Таким образом, можно сказать, что первым переходным пунктом, когда начали меняться выраженные отношения к Западу – это текст 2004 года, хотя после данного пункта также имеются другие важные моменты – все последующие тексты показывают постепенное появление признаков возмущенных и напряженных отношений. Тем не менее, отношение к Европе, часто в лице ЕС, является открытым в течение почти всего периода, в чем мы находим двойственность выраженных отношений.

Заключение

На сегодняшний день тема политического дискурс-анализа привлекает к себе все возрастающий интерес среди ученых. Это, в первую очередь, связано с возможностью выявления риторических ходов политических деятелей, что позволяет систематизацию политической речи с целью определения характера и причины тех или иных явлений. Это также может помогать глубже понять то, какое влияние политическая риторика может оказывать на сознание человека.

Цель настоящей работы заключается в выявлении характера отношений, сложившихся к моменту произнесения известной речи на Мюнхенской конференции между РФ и Западом, выраженных Президентом РФ. Для достижения указанной цели перед работой был поставлен ряд задач, первой из которых является раскрытие понятия «политический дискурс-анализ». Поставленная задача была решена постепенным определением всех составляющих термина. Мы установили, что дискурс – это язык в употреблении (реализация языка) как в устной, так и в письменной форме (текст) на уровне выше словосочетания. Текст обязательно должен относиться к контексту, поэтому можно сказать, что дискурс – это текст в контексте. Мы также выяснили, что дискурс-анализ – это изучение дискурса в прикладном контексте в конкретном языковом сообществе. В настоящей работе мы придерживались понимания контекста как интертекстуальное отношение между политическими текстами, с ограниченным учетом социо-политического и исторического контекстов. Мы также выяснили, что политический дискурс – это дискурс в политическом контексте. В качестве последнего звена в цепи раскрытия понятия «политический дискурс-анализ» мы установили, что данный термин подразумевает как можно более объективный анализ политического дискурса. Несмотря на стремление объективно анализировать политический дискурс, данный метод может содержать черты критического анализа.

Следующая задача заключается в уточнении категорий анализа и дискурсивных стратегий, для избегания выхода за границы поставленной цели. Были представлены следующие категории анализа: представление, т.е. восприятие человеком окружающей реальности и мета-представление, т.е. опосредованное восприятие человеком окружающей реальности; импликатура, что означает выражение подразумеваемого, но не эксплицитно выраженного смысла высказывания; пресуппозиция, что объясняется как обязательная соотнесенность двух предложений друг с другом, вне всякого контекста; метафора, т.е. изображение реальности с помощью исходной домены;

эпистемическая и деонтическая модальности, которые изображаются соответственно на шкалах реальности и морали. При уточнении дискурсивных стратегий были представлены следующие приемы: принуждение, при котором автор текста может принудить читателя/слушателя согласиться с высказываниями ограничением времени обрабатывания читателем/слушателем данной информации; легитимация, что означает дать причину принимать поступки/высказывания как оправданные; делегитимация, что предполагает возможность автора дать причину принимать поступки/высказывания других деятелей как неоправданные; представление (количественно ограниченное) и искаженное представление (качественно искаженное).

Таким образом, была совершена попытка установить рамки исследования, а также объяснить методику настоящей работы.

Следующая задача заключается в анализе подобранных текстов посредством политического дискурс-анализа. При решении данной задачи, нам также удалось решить последующую за ней задачу: систематизировать развитие отношений между РФ и Западом, выраженных В. В. Путиным. В ходе анализа текстов нами было установлено динамичное развитие отношений, выраженных В. В. Путиным. Мы нашли, что в течение первого срока президентства, отношения были более устойчивыми, чем во второй срок.

В течение первого срока (до 2004 г.) наблюдаются колебания в отношениях: в тексте 1999 г. находим открытое отношение надежды на сотрудничество, а также стремление уподобиться Западу, но только на экономическом уровне. Мы считаем интересным употребление слова «цивилизация», которое, при этом отношении, подразумевает единую, всемирную цивилизацию. В тексте от 2000 г. наблюдается продолжение этой же тенденции в выраженных отношениях, хотя можно найти некоторое возмущение за поступки западных деятелей. В этом тексте также употребляется слово «цивилизация», но в этот раз можно воспринимать слово двумя способами: либо как проявление частных цивилизаций, либо как проявление единой, всемирной цивилизации. В тексте 2001 г. опять наблюдается продолжение открытого отношения надежды на сотрудничество, но с примесью опасений насчет НАТО, в чем мы находим небольшое колебание выраженных отношений. Автор также выражает стремление интегрироваться в Европу. В тексте 2002 г. мы отмечаем довольно чистые отношения открытости и надежды, а колебание данного текста относится к отдалению от выраженных опасений в предыдущем тексте. В данном тексте мы также отмечаем желание интегрироваться в Европу, подразумевая единое экономическое пространство.

В тексте 2003 г. мы в упреках, направленных на западных деятелей, наблюдаем довольно быстро измененное отношение к Западу. Тем не менее, по большей части выраженные отношения являются открытыми и содержат надежду на сотрудничество с Западом. Мы отмечаем употребление деривата слова «цивилизация», «цивилизированный», который мы рассматриваем как обозначение относительно отсутствия и присутствия (единой) цивилизации в разных местах. Интерес также представляет первичное использование словосочетания «большая Европа».

В течение второго срока, мы отметили большее количество колебаний в отношениях по количеству, а также по качеству: в тексте 2004 г. выражается возмущение посредством эксплицитной и имплицитной критики, а также, довольно открытое отношение в связи с сотрудничеством с Западом. Употребляется термин «Большая Европа», в этот раз с прописной буквы, что указывает на желание принадлежать к европейскому пространству. В тексте 2005 г. мы наблюдаем отношение возрастающего недоверия к НАТО, а также отношение обиды к Западу, одновременно с стремлением сблизиться с Европой. Это показывает амбивалентность отношений к Западу. Употребление словосочетаний «европейская цивилизация» и «цивилизаторская миссия» предполагают наличие различных цивилизаций в разных местах, что мы считаем интересным, учитывая возрастающие недоверие и возмущение. В тексте 2006 г. мы находим проявление двойственности в выраженных отношениях к Западу, в желании сотрудничать с ЕС и одновременном выступлении против США и НАТО. Несмотря на смягчение критики Запада, нам кажется, что просвечивается отношение довольно сильного раздражения. В первом тексте 2007 г. мы отмечаем напряженное отношение раздражения к Западу, хотя здесь также можно видеть желание сблизиться с Европой. В данном тексте употребляется словосочетание «межцивилизационный диалог», что предполагает наличие различных цивилизаций. Во втором тексте 2007 г. мы отмечаем продолжение таких же напряженных отношений к США и НАТО, а также продолжение открытых отношений относительно сотрудничества с ЕС. Употребляется слово «цивилизаторский» (дериват слова «цивилизация»), из которого мы выводим наличие противоположных цивилизаций в РФ и США. Отношение совместного развития употребления слова «цивилизация», в котором постепенно меняется значение от «единая мировая» к «цивилизация как частное явление», и выражения отношений возрастающего раздражения, нам кажется интересным и показательным для всего периода.

Обращая внимание на развитие употребления слова «цивилизация» и его дериватов, мы отмечаем корреляцию с развитием не только выраженных отношений к Западу как целому, но и к Европе, как будто она не является частью Запада как такового. Мы нашли амбивалентность выраженных отношений, которая заключается в том, что автор на протяжении почти всего выбранного нами периода выражает открытое отношение к Европе, но не к Западу в целом. Автор остро критикует НАТО. Нам кажется, что отношение к НАТО автором не считается отношением к Европе, несмотря на то, что многие европейские страны входят в состав НАТО, а скорее отношением к Западу, во главе которого стоят США.

Таким образом, нами были проанализированы и систематизированы подобранные тексты и наши находки в них.

Был поставлен главный вопрос исследования: как и когда произошло изменение выраженных отношений? Мы считаем, что на данный вопрос можно ответить довольно близко к поставленной гипотезе: отношения к Западу, выраженные В. В. Путиным, находятся в состоянии постоянного развития, но в течение ограниченного периода, мы нашли, что первое изменение к более напряженным отношениям произошло в тексте 2004 г., но также имело свое проявление все сильнее в последующих текстах. Последний проанализированный нами текст показывает продолжение отрицательных отношений к США и НАТО, а также продолжение положительного отношения к ЕС. Это можно считать доказательством действительного, продолжительного изменения отношений после выступления в Мюнхене.

Таким образом, изменение начало появляться в начале второго президентского срока В. В. Путина. Мы также считаем нужным отметить, что данное изменение действительно осуществлялось как на уровне лексических единиц, так и на уровне дискурсивных стратегий. Изменения были раскрыты нами, основываясь на тех категориях и стратегиях, которые были перечислены в первой главе нашей работы. Реальные изменения регулярно отмечались как имплицитные, скорее чем эксплицитные.

Как отмечено, объем и цель настоящей работы не позволяют подробного анализа всего социо-политического и исторического контекстов, поскольку такой анализ вышел бы далеко за границы поставленной нами задачи. Поэтому мы вынуждены оставить такую задачу для изучения другим интересующимся исследователям.

Список использованной литературы

Литература на английском и норвежском языках

Brown, G., Yule, G. (1983) *Discourse analysis*. Cambridge: Cambridge University Press. Ref. in: Макаров, М. (2003) *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.

Chilton, P. (2004) *Analysing political discourse: theory and practice*. Abingdon: Routledge.

Fasold, R. (1990) *The sociolinguistics of language*. Oxford: Basil Blackwell. Ref. in: Макаров, М. (2003) *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.

Foucault, M. (1999) *Diskursens orden: Tiltredelsesforelesning holdt ved Collège de France 2. Desember 1970*. Oslo: Spartacus.

Godzimirski, J. M. (2002) *11 September 2001 and the shift in Russia's policy towards NATO*. Flekkefjord: Den norske Atlanterhavskomiteé.

Hill, F., Gaddy, C. G. (2013) *Mr. Putin: Operative in the Kremlin*. Washington, D. C.: Brookings Institution Press.

Hitching, T. R., Nilsen, A. B., Veum, A. (2011) *Diskursanalyse i praksis: metode og analyse*. Kristiansand: Høyskoleforlaget AS.

Judah, B. (2013) *Fragile empire: how Russia fell in and out of love with Vladimir Putin*. Totton: Yale University Press.

Okulska, U., Cap, P. (2010) *Perspectives in politics and discourse*. Amsterdam: John Benjamins.

Sakwa, R. (2008) *Putin: Russia's choice*. New York: Routledge.

Schiffrin, D. (1987) *Discourse markers*. Cambridge: Cambridge University Press. Ref. in: Макаров, М. (2003) *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.

Smith, J., Kuchins, A. C., Gomart, T. (2008) *The NATO-Russia relationship: Defining moment or déjà vu?* Washington, D. C.: Center for Strategic and International Studies.

Stent, A. E. (2014) *The limits of partnership: U.S.-Russian Relations in the twenty-first century*. Princeton: Princeton University Press.

Tsygankov, A. P. (2007) Putin and foreign policy. In: *Putin's Russia: past imperfect, future uncertain*. (Ed.) Herspring, D. R. pp. 195-217. Plymouth: Rowman & Littlefield Publishers.

van Dijk, T. A. (1997) What is political discourse analysis? In: *Political linguistics*. (Eds.) Blommaert, J., Bulcaen, C. pp. 11-52. Amsterdam: Benjamins.

van Dijk, T. A. (2001) Multidisciplinary CDA: A Plea for Diversity. In: *Methods of critical discourse analysis*. (Eds.) Wodak, R., Meyer, M. pp. 95-120. London: Sage. Ref. in: Wodak, R., Kzyzanowski, M. (2008) *Qualitative discourse analysis in the social sciences*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

van Dijk, T. A. (2002) Ideology: political discourse and cognition. In: *Politics as talk and text*. (Eds.) Chilton, P. A., Scäffner, C. pp. 204-236. Amsterdam: Benjamins.

van Dijk, T. A. (2005) Contextual knowledge management in discourse production. A CDA perspective. In: *A new agenda in (critical) discourse analysis*. (Eds.) Wodak, R., Chilton, P. pp. 71-100. Amsterdam: Benjamins. Ref. in: Wodak, R., Kzyzanowski, M. (2008) *Qualitative discourse analysis in the social sciences*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

van Dijk, T. A. (2009) Critical Discourse studies: A sociocognitive approach. In: *Methods of critical discourse analysis*. (Eds.) Wodak, R., Meyer, M. pp. 62-85. London: Sage

Wodak, R., Kzyzanowski, M. (2008) *Qualitative discourse analysis in the social sciences*. Basingstoke: Palgrave Macmillan.

Wodak, R., de Cillia, R., Reisigl, M., Liebhart, K. (2009) *The discursive construction of national identity*. Edinburg: Edinburg University press.

Литература на русском языке

Звегинцев, В. А. (1976) *Предложение и его отношение к языку и речи*. Москва: Московский Государственный Университет. Ref. in: Макаров, М. (2003) *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.

Крылова, О. Ю. (2012) Лингвистический аспект суггестивности официального дискурса В. В. Путина и Д. А. Медведева. В: *Актуальные вопросы политической науки: сборник научных трудов*. Выпуск 6, pp. 62-68. Саратов: Российская Академия Народного Хозяйства и Государственной Службы при Президенте Российской Федерации.

Макаров, М. (2003) *Основы теории дискурса*. Москва: Гнозис.

Электронные ресурсы

van Dijk, T. A. (1990) The future of the field: discourse analysis in the 1990s'. *Text* [Internet] 10, pp. 133-156 DOI: 10.1515/text.1.1990.10.1-2.133

Министерство Иностранных Дел Российской Федерации (2001) *Саммит Россия-ЕС, 17 мая 2001 года, Москва. Совместное заявление*. [Internet] Москва: МИД РФ. Доступно по адресу <http://www.mid.ru/evropejskij-souz-es/-/asset_publisher/6OiYovt2s4Yc/content/id/582622>

Путин, В. В. (1999) Россия на рубеже тысячелетий. *Независимая газета*. [Internet] 30 декабря. Доступно по адресу <http://www.ng.ru/politics/1999-12-30/4_millenium.html>

Путин, В. В. (2000) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 8 июля. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21480>>

Путин, В. В. (2001) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 3 апреля. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21216>>

Путин, В. В. (2002) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 18 апреля. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21567>>

Путин, В. В. (2003) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 16 мая. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/21998>>

Путин, В. В. (2004) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 26 мая. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22494>>

Путин, В. В. (2005) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 25 апреля. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/22931>>

Путин, В. В. (2006) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 10 мая. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/23577>>

Путин, В. В. (2007) Выступление и дискуссия на Мюнхенской конференции по вопросам политики безопасности. *Кремль*. [Internet] 10 февраля. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24034>>

Путин, В. В. (2007) Послание Федеральному Собранию Российской Федерации. *Кремль*. [Internet] 26 апреля. Доступно по адресу <<http://kremlin.ru/events/president/transcripts/24203>>